

ГРИГОРИЙ **ШАРГОРОДСКИЙ**

ВИДОК

ЧУЖАЯ МЕСТЬ

Видок

Григорий Шаргородский

Видок. Чужая месть

«Автор»

2018

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Шаргородский Г. К.

Видок. Чужая месть / Г. К. Шаргородский — «Автор»,
2018 — (Видок)

ISBN 978-5-9922-2786-4

Человек способен привыкнуть ко всему. Вот и попаданец из мира, где магии нет и в помине, быстро привык к юному телу и должности полицейского видока. Освоился он и с чином титулярного советника, а также с обязанностями чиновника по особым поручениям генерал-губернатора Западной Сибири. Да что уж там! Даже близкое общение с оборотнями, домовыми, лешими и русалками для него стало рутинной работой. Казалось бы, чем еще можно удивить такого человека? Но судьбе лучше подобных вопросов не задавать, потому что ответы придется получать на другом конце материка в схватке с монстром, факт существования которого отрицают даже создатели самого полного бестиария магических существ и энергетических симбионтов.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2786-4

© Шаргородский Г. К., 2018
© Автор, 2018

Содержание

Пролог	5
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	37
Глава 5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Григорий Шаргородский

Видок. Чужая месь

Пролог

Приближался рассвет. Пока это было заметно лишь по чуть посветлевшему небу, но скоро над степью разгорится новая заря. Это великолепное зрелище доступно только тем, кто просыпается затемно, но лишь немногие из жаворонков способны по-настоящему оценить красоту момента. Фань Дзинь – первый секретарь посла Великого дракона Империи Цин, потомок древнего рода Фань и ученик мудрейшего Дай Дзена – ценил каждое мгновение бытия. Именно едва заметные детали обогащали его чувственный опыт. Каждая деталь мироздания, от упавшей на лепесток цветка пылинки до разогнавшего тучи урагана, несет важнейшую информацию. Тихий шорох в углу комнаты также имел немаловажное значение. Дзинь сумел вычленил его из общего фона, но ничего сделать не успел – в его шею вонзился отравленный дротик.

В этот же момент сердце Сюли – наложницы секретаря – сделало последний удар и замерло навсегда. Когда тело девушки мягко осело на пол, наложница посла пронзительно завизжала. И совсем не от страха за подругу: она поняла, что помощник ее господина мертв, ведь жизнь Сюли была крепко связана с жизнью Фань Дзиня. Она приняла бы на себя насланную на хозяина порчу, но против ударной дозы алхимического яда «связь душ» была бессильна.

Ворвавшийся в покои наложниц главный хранитель посольства мгновенно оценил обстановку:

– Перекройте все выходы из этого сарая! Чтобы ни одна крыса не выскочила наружу!

Охрана оцепила выделенный под нужды посольства особняк, но никого подозрительного поймать не удалось. Тяжело вздохнув, хранитель отправился на доклад к послу.

Чтобы хоть немного скрасить варварскую обстановку, слуги отгородили часть покоев посла шелковыми ширмами. Внутри этого пространства и было обставлено место для чайной церемонии. Долго проживший в Нихон Коку посол предпочитал не традиционный обряд «гунфу ча», а японский вариант «тя но ю». Для непосвященных разницы никакой, но именно знание тонкостей, нюансов и полутонов отличало цивилизованного человека от варвара.

Посол был одет в традиционную для цинского чиновника голубую чифу с желтыми вставками. Шапочка по случаю уединения находилась на специальной подставке, так же как и парадное тяжелое платье буфу. Дун Фэй в последний раз взмахнул веером, сложил его и, чуть наклонившись, положил перед собой на циновку. Этим символическим жестом он будто отгораживался от внешнего мира. В общем, посол находился в предмедитативном состоянии, которое и пришлось нарушить взволнованному начальнику охраны.

– Простите, мой господин, – низко склонился старый вояка перед послом, который застыл, как изваяние Будды. – Ваш секретарь убит, и убийца как-то сумел ускользнуть от нас. Я готов понести любое наказание.

Воин напряженно замер в ожидании решения своего господина. А оно могло быть каким угодно – большой поклонник культуры Нихон Коку вполне мог возжелать от своего слуги очистительного сэппуку.

Посол отреагировал на покаяние слуги лишь раздраженным движением вновь взятого в руку веера. Сейчас его больше заботила не смерть секретаря, и тем более не проблемы в поимке убийцы, – сильно напрягала перспектива разговора с великой княжной. О том,

что со всеми проблемами нужно идти не к графу Скоцци, а к его супруге, знали все в цинском посольстве, вплоть до поварят.

Тень опасного врага накрыла собой дипломатов Поднебесной и предвещала в будущем лишь еще бóльшие неприятности. Скорее всего, придется возвращаться обратно в империю, но это явно не понравится дочери варварского владыки, а если честно, посол немного побаивался ее. Он никогда и никому не признавался в этом чувстве, но сам прислушивался к собственным страхам очень внимательно. Его религия требовала осмысления каждой мелочи. Все в этом мире имеет значение, включая страхи и туманные предчувствия.

Часть первая

Глава 1

Откладывать неизбежное – не самый лучший выбор, особенно если это касается так называемой рутины. В важных делах подгонять себя легче, а вот мелочи имеют свойство забываться и накапливаться. Доклад о моем новом подчиненном нужно было отослать в канцелярию генерал-губернатора еще позавчера, но все как-то завертелось и забылось. Причем завертелось именно благодаря фигуранту данного доклада.

Что я могу о нем написать? Да не так уж много.

Когут Петр Захарович, он же бывший шатун по прозвищу Коготь.

Когда первый раз услышал фамилию Когтя, я порадовался за него. Судя по всему, другие шатуны слабовато знают украинский язык: ведь «когут» переводится как «петух». Впрочем, насколько мне известно, это слово пока еще не было очернено в местных уголовных кругах.

Родился Когут тридцать два года назад в семье сибиряков из украинских переселенцев. Уйдя из дома в шестнадцать лет, он подался в шатуны и успел снискать среди них славу лихого добытчика. Очень удачно женился на дочери покойного коллеги, и этот брак сразу принес плоды в виде двух чудесных девочек-близняшек. Но тут в мировых столицах вошла в моду опиумная пыльца. Так что со временем ее начали добывать и в Стылой Топи. Неизвестно, рос на местных болотах дурман-цветок изначально или его завезли, но сейчас этой дряни там слишком уж много.

Для семьи Когутов начало добычи пыльцы стало роковым. Слишком уж любопытный Коготь подсел на пыльцу практически сразу, и все закончилось буйным наркотическим угаром. Только чудом он не убил всю свою семью. Израненную жену удалось спасти, а девочки отделались испугом. Только они не забудут этого испуга уже никогда. Выздоровевшая жена забрала детей и уехала из Топинска в неизвестном направлении. Засудить Когута не удалось, но он сам вынес себе суровейший из приговоров. На пике раскаянья шатун сумел соскочить с пыльцы, но при этом жестко запил и дважды пытался повеситься. Не дали товарищи. И тут к нему подошел я.

После первого предложения присоединиться к службе вылавливающих торговцев пыльцой, среди которых вполне могут оказаться шатуны, меня не убили только благодаря присутствию Евсея. Оборотень без проблем успокоил разошедшегося шатуна. Если честно, я уже плюнул на эту кандидатуру, но через сутки Коготь явился сам и согласился на предложение. Еще через сутки у нас в руках оказалось несколько нитей, способных размотать клубок топинской наркомафии. За одну из таких ниточек мы и потянули через пару часов.

Отчет получился корявым, но другого канцелярии генерал-губернатора я предложить не смогу, разве что попрошу Леху немного причесать мой опус. Да и вряд ли кто станет читать эту скучную бумажку. А вот если бы я написал отчет о себе самом, причем правдивый, то он бы вызвал настоящий фурор. Причем где угодно – начиная с канцелярии генерал-губернатора и судебной службы и заканчивая полицией и православными инквизиторами, или как их там...

Я так и не удосужился узнать, как называется эта служба в нашей церкви. А уж как бы обрадовались ребята из седьмого управления жандармерии, курирующего все энергетические аспекты жизни Империи – от колдунов до оборотней и свободных энергентов.

Даже стало интересно, как это литературное творение могло бы выглядеть.

По сути, живущий ныне титулярный советник Игнат Дормидонтович Силаев, чиновник по особым поручениям генерал-губернатора Западной Сибири, по-настоящему родился совсем не в тысяча восемьсот семьдесят восьмом, а в прошлом девяносто пятом. Именно тогда

в теле юноши поселилась душа мужчины предпенсионного возраста из двадцать первого века совсем другой реальности. И вот теперь я тащу за двоих не очень-то легкую ношу полицейского видока. Свой старый грех из другого мира приходится смывать созерцанием самых жутких подробностей кровавых убийств, а затем пересказывать их в суде. Дело это опасное, но нужное. Хорошо хоть в Топинске убийства происходят не так уж часто, а после появления здесь видока их стало и того меньше. Вот я от скуки и решил побороться с наркомафией. А чем еще заняться? Благодаря немного неуклюжему прогрессорству проблем с деньгами у меня нет. Правда, своего соавтора по патенту на немагический, а значит, более дешевый аналог резины я сначала изрядно покалечил, а затем сдал жандармам.

Звучит мерзко? Не спорю, особенно учитывая, что это был мой друг и наставник. Тот факт, что он по совместительству являлся безумным ученым и пачками потрошил юных дев, чуть облегчает ситуацию, но ненамного.

В общем, вот такая веселая у меня жизнь. Еще веселее она стала бы, ознакомься с этой историей кто-то из жандармерии или инквизиции, но суицидальными наклонностями я не страдаю, так что фиг им, а не увлекательное чтиво.

Закончив отчет по новому подчиненному, я встал и подошел к окну.

Весна. Всегда любил это время года. Дожди не приносят слякоти, как осенью, холода ушли, а солнце пока не такое надоедливое, как летом. В отличие от других территорий Сибири, благодаря соседству Стылой Топи, которая вопреки названию дарит окрестным землям дополнительное тепло, к нам весенние деньки пришли уже в конце марта.

Все вокруг зеленеет, цветет и пахнет. Особенно дурман-трава. Мысли опять вернулись в рабочее русло, и я начал одеваться. Благодаря должности и особому положению меня никто не заставляет носить мундир, так что я вырядился в некий вольный вариант казачьей формы. Очень вольный. Шаровары заправлены в самые настоящие берцы. Рубаху с широкими рукавами прижимали к телу жилетка и парная наплечная кобура. Оружие прятала сверху куртка, стилизованная под укороченный казацкий полушубок, но не такая теплая. В своем наряде я старался сочетать привычную по двадцатому веку одежду и местный стиль, дабы не выделяться на общем фоне. Но это в походном варианте. Мое парадное платье было построено по всем канонам – вдруг имеющий на меня зуб топинский судья смиростивится и допустит шебутного видока в высший свет города.

Ну а пока гламурные развлечения для меня закрыты, развлекусь работой.

После недавних событий, не вооружившись по максимуму, я из дома не выхожу. Так что к паре малых револьверов в наплечниках у меня имеется два их собрата в набедренных, практически ковбойских кобурах. Они и видом посolidнее, и калибром посерьезнее. Младший калибр был представлен известными мне еще по родному миру «бульдогами», точнее, их подвидом под названием «кобальт». Не уверен, что фирма та же, но родиной этих револьверов оставалась Англия. А вот старшим калибром по совету Василича я взял английские же «крашеры». Тут не берусь утверждать о наличии аналогов в моем родном мире, потому что в прошлом не был ни охотником, ни заядлым любителей оружия. В качестве последнего шанса был представлен мой любимый миниатюрный двустольный пистолетик, разместившийся на поясе за спиной в особом кармашке. Плюс к этому пояс отягощали две светозумовые гранаты, начиненные серебряной пылью.

Повернувшись к зеркальной дверце, я подмигнул своему отражению. Из зеркала на меня смотрел лихой разбойник, вооруженный от пяток до зубов. И только юношеское, слегка простоватое лицо немного портило суровую картину. Русский, серые глаза, черты лица с претензией на аристократичность, правда, подкачал чисто славянский нос картошкой. Да и вообще лишь в последнее время хитроватая улыбка и немного обогатившаяся мимика слегка улучшали картинку. Однажды Дава сказал, что в глубокой задумчивости я похож на сельского паренька, который впервые увидел паровоз.

Ничего, и это со временем пройдет.

Подпрыгнув пару раз, я удовлетворенно хмыкнул.

Все, теперь я почти терминатор, и плевать, что скажут окружающие.

Едва открыв дверь кабинета, я услышал возню на первом этаже. Судя по звукам и недовольному шипению, опять сцепились Кузьмич с Леонардом Силычем.

Интересно, когда-нибудь в этом доме хоть на минуту воцарится тишина?

С момента, когда мы поселились в бывшей пожарной каланче, брошенной огнеборцами по причине переезда в каменное строение в центре, покой в двухэтажном бревенчатом здании с наблюдательной башней воцарялся лишь ненадолго.

Спустившись до половины лестницы, я увидел вскочившего на стол большого серого кота. Сейчас шерсть на кошке стояла дыбом, спина выгнута дугой, а глаза злобно блестели. Кот продолжал шипеть, поворачиваясь вокруг своей оси и провожая взглядом нечто невидимое мне и другим людям в комнате. Двенадцатилетний Осип по прозвищу Чиж сохранял на лице нейтральное выражение – он вообще в этой сваре старался не принимать ничьей стороны. А вот казацкий урядник Евсей растянул губы в ехидной улыбке.

Ну, ему простительно – полгода назад Силыч успел изрядно покарять казака-оборотня. Теперь, без ошейника-амулета, Лео не мог становиться монстром и не так уж сильно отличался от обычного кота, но старые заслуги не забываются.

Внезапно лежавшее у печи полено взлетело в воздух и понеслось к коту. К чести Силыча, он с легкостью отбил лапой снаряд, продолжая сверлить взглядом нечто невидимое даже через мои магические гогглы.

Я проверял. А жаль – такой апгрейд мне не помешал бы.

Домовой невзлюбил кота с первых же минут его появления в доме, причем настолько, что даже на этой почве помирился с казаком-оборотнем. Так сказать, враг моего врага – мой друг.

– Все, хватит! – строго приказал я, спускаясь по лестнице. – Кузьмич, мне это надоело.

Еще оно полено лишь успело взмыть над поленницей и тут же упало обратно, а кот перестал вертеться на столе и посмотрел на меня. Над потолком что-то ухнуло и задребезжало.

– А мне плевать! – возразил я бессловесному заявлению домового. – И покажись, когда с тобой разговаривают.

Тени в углу сгустились в полупрозрачную фигуру. Причем она сильно напоминала вырезанного Григорием человечка. Казака теперь с нами нет, а вот его фантазия помогла свободному энергетическому агенту, а в простонародье домовому духу, определиться со своим виртуальным обликом.

Евсей и Чиж тут же повернулись к показавшему себя домовому.

Леонард Силыч, почувствовав мою поддержку, успокоился и соскочил со стола на лавку. Он знал, что я не люблю его посещений столешницы, на которой, на минуточку, принимаем пищу.

– Мы все живем в одном доме, и пока я здесь хозяин, все будет по-моему.

В печи сердито завывало.

– Не, Кузьмич, тебя только называют Хозяином из уважения к традициям, но владелец тут я!

Мне уже давно удалось найти подход к домовому и понять, что строгость у него в чести, – слишком уж истосковался по человеческому обществу этот погорелец-бродяга.

В комнате повеяло сквозняком, и призрачный силуэт домового растаял.

Обиделся, сердешный. Какое-то время придется наблюдать в кабинете мусор по углам, но подобное мы уже проходили. Надолго этого чистюли не хватит, и через пару дней все вернется на круги своя, а именно – к идеальному порядку.

Осип засуетился у печи, накрывая на стол. Я присел на лавку, и Лео тут же потребовал ласки. Под довольное урчание моя рука прошлась по гладкой шерстке на кошачьей спине, но движение закончилось у основания хвоста. После драки с Евсеем, который едва не откусил кошаку кончик хвоста, это место у Лео, так сказать, болезненное. Он вообще плохо реагировал на прикосновение к своей пятой конечности.

После того боя и пленения профессора прошло почти полгода, а месяц назад в наш дом появился обшарпанный и грязный кот, который где-то умудрился посеять свой артефактный ошейник. Теперь он не мог превращаться в жуткого монстра, но безобидным котиком тоже не стал.

До сих пор не понимаю, как он сумел преодолеть триста километров от Омска до Топинска и почему решил прибиться именно ко мне.

– Леонард Силыч, вы бы не дразнили Хозяина.

Кот поднял морду с умильными глазками, как у его коллеги из американского мультика, но на меня такое не действовало.

– Даже не сомневаюсь, что в сваре виноваты оба, причем одинаково.

Кот фыркнул и, соскочив на пол, пробежался по чисто выскобленным доскам. Затем запрыгнул на подоконник. Там он принял характерную позу с явным намерением приступить к вылизыванию своих интимных мест.

– Леонард Силыч! – возмущенно протянул я. – Только не надо паясничать и строить из себя безмозглое животное. Постеснялись бы.

Кот принял более приличную позу и серьезно посмотрел на меня. Я же решил пойти на компромисс.

– Коль уж вам нравится эта игра – пусть, но держите все в рамках приличия.

Интересный тут, однако, мир. Если бы у себя на родине я разговаривал с темными углами и общался с котами, то, как пить дать, загремел бы в психушку. А здесь нечего – вон мои домохозяева смотрят с пониманием и даже уважением.

Восстановив мир в собственном доме, я принялся за обед. Нагружался под завязку – вряд ли до вечера удастся нормально поесть. Хотя Чиж наверняка соберет что-то в дорогу.

Уже к концу трапезы к нам присоединился Коготь, ввалившись в столовую из сеней.

– Все готово, бари... – запнулся бывший шатун и исправился: – ...командир. Уехал Кочевряж на свою заимку. Можно и нам собираться.

Я перевел взгляд на Евсея. Здоровенный казак молча кивнул и поднялся из-за стола. Пока Коготь быстро ел, Евсей ушел на второй этаж, чтобы закончить сборы. Раньше мои соседи спали прямо в гостиной, но теперь это было не очень удобно. Здесь у меня и трапезная, и офис, и переговорная, которую посещают разные люди, включая чиновников, – так что теперь Евсей и Чиж спали в казарме на втором этаже. Рядом в чулане хранились их личные вещи.

Через пару минут казак вернулся, как и я, вооруженный до зубов. Он уже перешел на летнюю форму с фуражкой, а вот я все еще носил на голове облегченную кубанку, потому что испытывал непонятную брезгливость к другим гражданским головным уборам. Вооружение казака составляли два массивных револьвера. В их расположении он частично взял пример с меня – один был в плечевой кобуре, а второй висел на правом бедре. С левой стороны находилась пашка. По количеству стволов он мне, конечно, проигрывал, но у него имелось и дополнительное оружие – звериная ипостась оборотня. Да и пяток свето-шумовых гранат в разгрузке дополняли боевую картину.

Коготь быстро дожевал и встал из-за стола. Его мы пока вооружать за казенный счет не спешили, так что он оставался при своем. За перепоясывающим полукафтан кунтушом торчал капсюльный пистоль, а из-за голенищ выглядывали рукояти кинжалов.

Пройдя черед сени, мы оказались в обширной конюшне. Правда, теперь это была не совсем конюшня, а эдакий механически-животноводческий ангар. С одной стороны поме-

щения в стойле находился конь Евсея, а с другой расположился агрегат, от вида которого удивится от зависти любой любитель стимпанка: мой личный паромобиль.

Особенно колоритно выглядели треугольные автомобильные гусеницы, на которые вместо колес опирался сам агрегат. Это была моя задумка, а то на местных, похожих на мотоциклетные колеса далеко не уедешь, особенно зимой – можно застрять даже в городской черте.

Пока что автомобильные гусеницы были представлены в единственном наборе, но прекрасно зарекомендовали себя как зимой, так и по весенней распутице. На гусеничные ленты пошел местный энергетический каучук. В отличие от вулканического, номинальным изобретателем которого я считался, этот состав был намного прочнее и хорошо подходил для моей задумки. Конечно, меня можно упрекнуть в предательстве своего же детища, но топ-менеджмент АвтоВАЗа тоже не на «ладах» ездит, и, если честно, я их понимаю.

Дизайном мой паромобиль не впечатлял, но кузов ему разрабатывал не я, хотя планы по улучшению имелись. Внешне все было похоже на слегка приплюснутый четырехста пятьдесят второй УАЗ – родную «буханку», только на четырех треугольных гусеницах.

Еще нужно отметить, что бывший владелец чуть подсуетился с тюнингом – по корпусу шли золотистые аппликации, как на каретах екатерининских времен. От себя я добавил несколько гирлянд магических фар, но в чисто утилитарных целях. Итог безумного автотюнинга в местных реалиях выглядел круто, но меня вид паромобиля, честно говоря, раздражал. Впрочем, у нас не столица, а в деле паромобиль показал себя с лучшей стороны.

Возле машины крутился Корней Васильевич, которого я сманил из оружейного магазина. Жил он прямо в гараже – к отопляемой стенке пристроил деревянную каптерку-мастерскую. От более комфортных условий старый оружейник отказался.

– Все нормально, Игнат Дормидонтович. Аппарат готов к работе, – гордо заявил оружейник-механик, ковыляя ко мне на протезе.

Эту штуку он тоже смастерил сам по моей наводке и теперь настолько освоился, что даже не пользовался костылями.

– Спасибо, Корней Васильевич, – благодарно кивнул я старику и вместе с Когтем забрался в салон через кормовую дверь.

Евсей с большим удовольствием оседлал бы своего скакуна – он вообще не любил паромобиля, особенно со мной за рулем. Был у него в этом плане не очень приятный опыт. Но сегодня казаку придется потерпеть.

Внутри паромобиля по местной моде пространство было разделено на два отсека – водительский и пассажирский. В пассажирском отсеке находились два диванчика вдоль бортов лицом друг к другу. Для безопасности они имели ремни, которые играли очень важную роль, учитывая мой стиль езды по местным ухабам. Евсей остался в салоне, а Коготь уселся в кресло рядом со мной и начал суетливо пристегиваться. У него тоже состоялась поездка на этом паромобиле, что породило здоровую осторожность.

Ну что, поехали!

Дернув за рычаг, я пустил по спиральным трубам дистиллят и энергетический реагент, который местные называли «огненной водой». Смешиваясь в сферическом котле, две жидкости вступали в реакцию. Часть воды практически сразу переходила в состояние перегретого пара. В отличие от паровых котлов в моей реальности, угрозы взрыва не было – когда давление в котле превышало определенный уровень, реакция замедлялась и температура энергетической смеси снижалась сама по себе.

Паромобиль фыркнул паром и тронулся с места. Скорость для реалий двадцать первого века моего мира не ахти – не больше сорока километров в час. На колесах было бы быстрее, но это в Омске или еще где. В Топинске, особенно после недавнего дождя, такой вариант был предпочтительнее. К тому же, когда выберемся из города, недостатки гусениц мгновенно превратятся в достоинства.

Тихо, лишь иногда пыхая паром и лопоча гусеничными лентами по лужам и подсохшей грязи, мы выкатили на улицу. Отсутствие шума было главным достоинством паромобиля. Правда, в плане маскировки оно нивелировалось блестящими на солнце завитушками.

Ничего, это дело мы поправим – Василич уже нашел нужную краску, правда, не сильно горит желанием сдирать аппликации. Говорит, что не хочет портить такую лепоту.

Народ хоть и привык к виду пока что единственного паромобиля в городе, но все равно останавливался и глазел на сие чудо технической революции. Уверен, местная элита недолго станет терпеть приступы зависти, и скоро автопарк города увеличится. А значит, добавится работы у единственной в Топинске автомастерской, которая полуофициально принадлежала мне.

До окраины города мы добрались минут за двадцать, и вот тут мой железный конь показал себя во всей красе. Если на гравии и грунтовке износ лент был неприятно высоким, то на лесной траве и болотных мхах они чувствовали себя прекрасно. В трясину, конечно, соваться не стоило, но мы этого и не планировали. Коготь хорошо знал местность и был проинформирован о возможностях нашего вездехода, так что с умом подбирал маршрут.

Лес уже окончательно проснулся от зимней спячки. Впрочем, в Стылой Топи, особенно ближе к центру, он, по сути, лишь дремал. Все вокруг наливалось не только природными зелеными оттенками, хватало и цепляющих взгляд диковинных красок. На окраине инаковость Топи была не так заметна, а в центре ее мало кто побывал, чтобы поделиться впечатлениями. Тот же Коготь рассказывал много удивительного о втором поясе Стылой Топи. А вот мне довелось побывать в самом центре. Но одно дело наблюдать за туманом, искрящимся крохотными молниями, сначала из защищенного вагона, а затем через крохотные иллюминаторы паромобиля, а другое – оказаться там без прикрытия, ощутив кожей все волшебные прелести и угрозы.

Так далеко мы забираться не собирались, но не факт, что к нам не нагрянут гости из тех сказочных мест.

– От трех сосен налево, – сказал Коготь, тыча пальцем в кривоватые деревца.

Довернув руль, я пустил паромобиль мимо примечательной троицы деревьев. Судя по хиленьким, покосившимся сосенкам, мы оказались на краю одного из тысяч топких мест знаменитых Васюганских болот, на юге которых и находилась Стылая Топь – единственное в Сибири место Силы.

– Не нырнем? – на всякий случай спросил я.

– Ну, ежели из той ухабины выбрались, туточки проползем играючи, – ответил бывший шатун, поминая наши совместные покатушки по окрестностям Топинска.

Я улыбнулся, вспомнив вытянувшуюся от удивления рожу шатуна, и уверенно повел паромобиль по указанному маршруту. Под лентами захлюпала жидкость, и, кажется, сама машина немного просела. Скорость чуть снизилась, но ненамного. Будь мы даже на траковых колесах, так бы легко не прошли. А может, и вообще застряли.

Еще минут через двадцать добрались до места, где росли деревья помощнее и повыше, – эдакий остов посредине болотистой местности.

– Дальше лучше пешком, – опять выдал ценный совет Коготь.

Возвышенность, по сути, являлась большим холмом, если не сказать горюшкой. Склоны были слишком круты для паромобиля, поэтому его придется оставить без присмотра.

Угнать не угонят, но могут испортить.

Сперва я даже пожалел, что не взял с собой Чижа, дабы он посмотрел за машиной. С другой стороны, если мы разминемся с шатуном и он наткнется на наш транспорт, то пусть лучше просто пострадает дорогое железо, чем навредят мальчонке. Боковые двери пилотского отсека закрывались изнутри, так что мы вышли через проем в пассажирское отделение, а затем выбрались наружу через задний выход. Эту дверь я и закрыл массивным ключом. Конечно, даже

в таком состоянии наш транспорт можно вскрыть тем же топором, но повозиться вандалам все-таки придется.

Разобрав оружие, мы двинулись в заросли. Первым шел Коготь, уверенно выводя нас на цель.

Надеюсь, ему не грезятся по ночам лавры Сусанина. Кстати, в этом варианте истории такой персонаж тоже присутствовал, только он совершенно не собирался спасать родоначальника династии Романовых, потому что и династии такой не было. Поляки к Москве приходили, да только не выгорело у них ничего. В стране как таковой Смуты не случилось, и царь Игорь Иванович, о котором в моем мире и слыхом не слыхивали, без проблем провел страну через годы голода и погодных катаклизмов. Он же наподдал полякам, причем так увлекся, что в лихой славе далеко от папеньки не ушел. Так и записали в анналы – после Ивана Грозного царствовал Игорь Кровавый.

Тряхнув головой, я разогнал ненужные сейчас размышления о различиях двух параллельных историй и поспешил за Когтем. Спину мне, как обычно, прикрывал Евсей. Это положение в строю позволяло ему без лишних взглядов проводить частичную трансформацию, что подтверждали прерывистые звуки, которые издают собаки в поисках следа. Уверен, что сейчас лицо казака может напугать не только какую-нибудь барышню, но и нашего битого жизнью проводника. Я еще не сообщил Когтю, что в отряде имеется оборотень, и как он на это отреагирует, пока непонятно. Хотя, может быть, шатун что-то и подозревает – Топинск город маленький, и слухи здесь разлетаются быстро.

Очередной подъем немного сбил мне дыхание, что было прокомментировано фырканьем оборотня. После наших зимних приключений казак старался соблюдать субординацию и вести себя уважительно, но иногда позволял себе некоторые вольности.

Преодолев подъем, мы оказались на своеобразном плато, заросшем хвойным лесом. При чем пробираться по этим зарослям было еще то удовольствие. Одно радовало – хоть и едва натоптанная, но все же различимая тропинка в наличии имела. Коготь уверенно повел нас по этому пути.

Недоброе я почувствовал буквально через пару минут. Хорошо, что смотрел под ноги. Спина бывшего шатуна двинулась влево, а тропинка-то все еще вела прямо. Сначала я не стал придавать этому значения – мало ли какими кривыми путями ходят шатуны к своим схрамам, – но затем Коготь полез совсем уж в непроходимые заросли.

– Коготь, зачем мы с тропы сошли? – спросил я, хлопнув проводника по плечу.

– Чего это сошли? Вот она, родимая, – уверенно ткнул шатун пальцем себе под ноги.

А там не то что тропы не было – трава почти в пояс.

– Не понял, – мотнул я головой и только тут почувствовал, что висящий на шее кулон в виде расколотого сердца чуть греет мою кожу.

Дернув за плечо, я заставил Когтя развернуться ко мне лицом, а затем резко хлопнул его ладонью по лбу. Идея «одуплителя» опиралась сразу на два источника: о чем-то подобном упоминалось в «Бестиарии», и так поступали гипнотизеры в моем мире, когда будили своих подопытных.

Как ни странно – угадал.

– Чаво энто?! – отскочил от меня Коготь, но тут же забыл об ударе и начал осматриваться: – А тропа-то куда девалась?

– Тебе заморочили голову, – озвучил я свои догадки, но по-прежнему не понимал, кто здесь мог баловаться ментальной магией.

– Неужто правда, что Кочевряж сговорился с лешаком? – озадаченно проворочал Коготь.

Ну да, я мог бы и сам догадаться. Только что нам теперь делать?

– Евсей, – позвал я казака, которого отпустило и без моего вмешательства, – ты, случаем, никого не заметил?

- Не, командир, самого неслабо приложило.
- А зрение у тебя не меняется, когда...
- Есть немножко, – пожал плечами казак и покосился на Когтя.
- Давай, – разрешил я, и казак начал обращаться.

Это была частичная трансформация. Лицо оборотня вытянулось и потемнело. Я знал, что это всего лишь нарастающая псевдоплоть, сиречь временно материализовавшаяся энергия, и все же зрелище пробиало до дрожи. Со стороны казалось, что деформируются кости черепа, но это было не так. Просто на лицо нарастала псевдоплоть, которая скоро как появилась, так и растает, вновь переходя в энергию.

Блеснули удлинившиеся зубы волколака.

– Святые угодники! – перекрестился Коготь. – Неужто правду люди бают?!

Да уж, сегодня у бедолаги день открытий. К тому же его возглас подтверждал, что слухи о казаке-оборотне успели разойтись по городу.

Трансформация задержалась лишь на пару секунд. Казак осмотрелся вокруг и начал меняться обратно.

– Не, командир, не видать его, – закончив преображение, отчитался Евсей.

Мне сразу вспомнился вертящийся на столе кот. Нужно будет в следующий раз взять его с собой, раз у него как-то получается отслеживать домового.

Эхом словам оборотня по листве пробежался ветер, и в этом шорохе я услышал скрипучий смешок.

Ага, значит, свободный энергент дорос до понимания человеческой речи. Об этом говорил и тот факт, что наркоторговец сумел договориться с лесным духом о защите. Иначе он сам тут плутал бы в трех соснах до скончания веков – сил на это лешему точно хватит. Благодаря беседам с профессором Нартовым и чтению подаренного им же «Бестиария» мне было кое-что известно о природе этих созданий.

Возникают они из простейших природных духов, у которых мозгов меньше, чем у улитки. Но вот однажды безмозглый дух взбудоражил листву и напугал какого-то грибника с нездоровым воображением. Наслушавшись рассказов о леших и прочей нечисти, бедолага выплеснул свой страх на духа, тем самым накачав его энергией. Год за годом сначала на одних инстинктах, а затем целенаправленно проказник пугал людей, подпитываясь их страхом, пока не начал осознавать себя как личность. За пару сотен лет вырастали такие хитромудрые ребята, что с ними нужно держать ухо востро.

Что же, попробуем договориться, ведь с домовым я как-то сладил.

– Здрав будь, хозяин леса. Прости за неожиданный визит и прими подношение от чистого сердца.

По правилам нужно было бы обратиться более велеречиво, но я знал, что на форму обращения энергентам плевать, как и на пирожок, который я положил под куст. А вот на творческую энергию души, которую вложила в снесь кормившая нас баба Марфа, он должен позариться. Страх куда слаще, но и такая подпитка энергенту будет в радость.

Увы, я просчитался. Ветер опять взбудоражил листву.

Или это она сама зашевелилась?

Прозвучал все тот же подлый смешок. На голову мне посыпались сосновые иголки и какой-то мусор.

Даже так?

– О, так вот же тропа! – радостно заявил Коготь, опять указывая куда-то в кусты.

– Стой на месте! – резко приказал я.

Евсея тоже зацепило, но он тряхнул головой и глухо зарычал. Злость оборотня вызвала еще один смешок лешего. Физически повредить он нам не сможет, разве что шишкой стук-

нет, а вот заморочить голову моим спутникам – вполне. Конечно, благодаря артефакту я могу повести их как альпинистов на поводке, но не факт, что тропа приведет меня к нужному месту.

– Коготь, тропа идет к самому схрону?

– Не, Кочевряж не дурак. Тропка только до старого дуба, там бивуак для пришлых, а затем нужно еще с полверсты кругаями по знакам ходить.

Да уж, если даже Коготь объяснит мне, какие знаки искать, леший наверняка закроет их листьями, и оберег от морока уже не поможет.

– Леший, давай договариваться по-хорошему, – решил я сменить тон.

В любом случае к машине мы выйдем без проблем. В кронах зашумело. Стволы деревьев закрипели. Понимание того, что я влип в нехорошую историю, прошло по спине неприятным холодком, но отступать в таких случаях и стыдно, и вредно.

– Слушай меня, гнилой ты пенек. Если я уйду отсюда несолоно хлебавши, то очень скоро вернусь. А со мной придут ведьмаки. Слышал о таких, шишка трухлявая?!

Я отчаянно блефовал, всеми силами стараясь придать уверенность не только своему голосу, но и усиленно транслируемым чувствам – пытался поверить в собственный блеф. И, кажется, получилось.

Ветер в кронах утих. Похоже, моя фантазия о возможностях ведьмаков оказалась очень близка к истине, и леший об этом знал побольше моего.

– Мы сейчас дойдем до схрона шатуна и заберем его с собой, а ты будешь вести себя как паинька.

На мои слова леший не отреагировал. Что же, будем считать молчание знаком согласия.

– Пошли, – обратился я к притихшим подчиненным.

Судя по их лицам, я, как говорят геймеры, заработал несколько очков репутации. Причем совершенно незаслуженно. Мне просто повезло. Будь леший хоть немного тупее или же чуточку умнее, в Топинск мы могли бы и не вернуться.

Коготь быстро сориентировался и вывел нас на тропу. Еще минут через десять мы дошли до упомянутого им дуба. Прямо под раскидистым деревом было обустроено место для бивуака. Все выглядело довольно привычно, кроме вбитых в ствол дерева костылей с привязанными к ним веревками.

– Коготь, дай угадаю. Твой кореш приводил сюда каких-то дурачков и привязывал на ночь. Только никак не пойму, зачем они на это соглашались.

– Так на спор шли. Напивались в кабаке до петушиного гонора, а Кочевряж предлагал побиться об заклад. Ежели кто простоит ночь и не обгадится, тому он даст рубль серебром.

– Экий затейник, – хмыкнул я.

Похоже, он так и денежку зарабатывал, и лешего раскормил чужим страхом до неприличной наглости.

– Да уж, Кочевряж пошутковать любит, – еще раз подтвердил мои догадки Коготь. – То к дереву кого-то привяжет, то в воду забросит, а мог и еще чего удумать.

– А ловушек твой шуткарь нам не приготовил? – напрягся я.

– Как же без этого, но меня в ловушку не поймает. С пятнадцати годков в Топь хожу. Так что пройдем. Повозимся токмо долго, – горделиво сказал шатун, но тут же с сомнением добавил: – Ежели лешак не подгадит.

– Да уж, – недовольно сморщился я и тут же поднял брови от неожиданно возникшей в голове мысли. – Кикимору мне в тещи! Коготь, а другая тропа от схрона есть?

– Есть, токмо кружная. Да и выходит она... – Глаза шатуна расширились от понимания. – Думаете, лешак предупредит Кочевряжа?

– Даже не сомневаюсь. Сможем перехватить?

– Попробуем, – сосредоточенно кивнул Коготь и сорвался с места.

Ну и мы припустили следом. Теперь никакой тропы не было, но и леший не колобродил, что тоже неплохо. Минут через десять мы добрались до склона островной возвышенности, с которого хорошо видна прилегающая к этой стороне холма часть болота, и тут сразу произошло несколько событий. Сначала мы заметили человека, резво бегущего по относительно сухому пространству, которое узким языком пересекало болотное озеро. Не успели мы ощутить охотничий азарт, как нас стало не трое, а четверо: с нижних ветвей высокого дуба рухнула вниз рыжая туша неприятно крупной рыси.

Да ну?! Есть в этом проклятом болоте хоть кто-то, кто не помогает хитрому и очень шустрому наркобарыге? Евсей успел перехватить прыгнувшую на меня рысь и сразу начал меняться.

– Я справлюсь, – прохрипел оборотень.

Ну, справится, значит, справится. Махнув Когтю, я побежал между деревьями вниз, к кромке болота.

Но к берегу добежал почему-то в одиночку. Двигавшийся позади меня шатун неожиданно вскрикнул. Мне показалось или в его голосе прозвучала не боль, а радость?

Погасив инерцию, я оглянулся, но шатуна за мешавшими обзору кустами не увидел.

Чем дальше, тем веселее!

Отмахнувшись от зудящего под черепом здравого смысла, я рванул за беглецом. Похоже, эта полоска суши являлась еще одним мостиком между островом и более сухими пространствами Стылой Топи. Конечно, не беговой трек, но терпимо. Особенно для шатуна.

Вон как чешет, зараза! Похоже, не догоню. Не знаю как, но беглец неся по болотному мху как по асфальту, а вот мои сапоги норовили утонуть в мягкой поверхности.

Ну, значит, будем поступать не по-спортивному.

Резко остановившись, я глубоко вздохнул, одновременно доставая массивный револьвер из левой набедренной кобуры. Перебросив оружие в правую ладонь, я прицелился и сделал три выстрела. Попал как минимум раз – шатун дернулся и покатился кубарем. Он попытался встать и ухватился за поясницу. Сделав еще с десяток шагов, Кочевряж резонно решил, что после попадания резиновой пули в спину особо не побегаешь. Вывод он сделал вполне логичный, а вот дальнейшие его действия оказались для меня загадкой. Шатун чуть ли не ползком добрался до края сухопутной полосы и склонился над водой. Казалось, он решил о чем-то поговорить с рыбами.

У меня появились нехорошие предчувствия. На ходу возвращая револьвер в кобуру, я побежал к стоявшему на четвереньках шатуну. Не успел – он увидел мое приближение и нырнул.

Не знаю, сработала интуиция или охотничий азарт, но я рыбкой сиганул за беглецом. На удивление вода оказалась достаточно прозрачной, особенно учитывая, что мы находимся на болотах. Мир вокруг сразу утратил изрядную долю реалистичности, а еще через секунду он вообще превратился в сказку.

Миновав пытающегося уплыть шатуна, в ореоле воздушной пыли и плавно покачивающихся водорослей на меня ринулась русалка. Это был бестелесный энергент, частично проявивший свою суть. То, что было совсем прозрачным, дорисовывала завихрявшаяся вокруг энергетического поля вода. Картинка получалась чуть размытой, но от этого не менее жуткой – эдакий злобный призрак в воде. Полупрозрачная девица в призрачной рубахе изящным щучьим движением скользнула ко мне. Оскал у нее был очень несимпатичным и до предела недобрым.

Хвататься в таких случаях за двустольный коротыш у меня стало уже рефлексом. Кургузый пистолет вынырнул из кармашка на поясе. Едва ствольные зрачки уставились на подплывшую почти вплотную русалку, оружие глухо ухнуло и выдуло изрядный газовый пузырь.

Пальнул я с перепугу, так и не вспомнив, может ли разорвать в таких условиях ствол. Не разорвало. Результат, если честно, был не ахти – из воздушного пузыря вылетела стайка дробин, но двигались они как-то беспомощно. У меня бы получилось солиднее плюнуть вишневым косточкой. И все же выстрел оказался не таким уж бесполезным. Русалка налетела на уже начавшую клониться ко дну стайку дробин и вдруг забила как попавшаяся на крючок рыба.

Испуг отпустил меня, позволив начать мыслить рационально. Все правильно: серебро – сильнейший энергетический резонатор. Усложнившуюся энергетическую структуру он расслаивает до состояния сырой энергии. Для разрушения энергента такого уровня необходимо долгое воздействие, но даже короткий контакт не принесет духу никакой радости. Русалка рванула назад быстрее, чем атаковала меня, но своего поделника в беде не оставила. Прямо на ходу она цапнула уже всплывавшего шатуна за пояс и потащила за собой. Сначала очень медленно, но с явной тенденцией к ускорению.

Конечно, бросаться за ними в погоню я не собирался – была идея получше. На нее меня натолкнул звон в собственной голове. Его причиной было кислородное голодание и гидроакустический удар от выстрела пистолета.

Быстро всплыв, я выбрался на торфяной язык и сорвал с пояса гранату.

Надеюсь, внутренняя обмотка не успела размокнуть.

– Если не клюет, будем глушить, – процитировал я своего друга-браконьера и метнул гранату, стараясь опередитьдвигающийся в воде бурун.

Живодерских наклонностей своего друга я не разделял, но в данный момент его советы пришлось к месту.

Вышло не так уж идеально, но оно и к лучшему. Подводный взрыв вздыбил воду, когда бурун с явно уже захлебывающимся шатуном проскочил метров на пять.

Мужику повезло дважды – он оказался достаточно далеко от взрыва, к тому же всеми силами пытался удержать в легких остатки воздуха. Поэтому всплыл как оглушенная рыба, а не ушел камнем на дно.

Серебряная пыль в гранате вряд ли достала русалку, но наверняка злобности и решительности у нее поубавилось.

Ну вот спрашивается, почему не сделать так с самого начала, вместо того чтобы изображать из себя Жака Кусто?

Напряжение отпустило меня, практически лишив сил. Так что подбежавшие коллеги оказались весьма кстати.

– Достань его, пока не утону, – устало приказал я и присел на ближайшую кочку.

Евсей выразительно посмотрел на Когтя, и тот начал быстро раздеваться. Меня удивило, с какой осторожностью бывший шатун положил на мох тряпичный сверток.

И вообще, где его черти носили?

Задать гневный вопрос я не успел, потому что оставшийся в одних портках Коготь прыгнул в воду и быстро поплыл к бывшему товарищу. Бывшему – потому что его сегодняшние приключения наверняка сильно подпортят их взаимоотношения.

Глава 2

Кочевряжа мы выловили относительно вовремя. Почему относительно? Потому что захлебнуться он успел и пришлось делать ему искусственное дыхание. Этот шатун нужен был мне живой и в своем уме. Когда утопленник закашлял, у меня была идея сразу идти к паромобилю и возвращаться домой, но все же решил обследовать захоронку наркобарона уездного разлива. Евсей взвалил шатуна на плечо, а Коготь выступил в роли проводника. При этом он продолжал бережно прижимать к груди таинственный сверток.

Чтобы не отвлекать подчиненного от поиска ловушек, я решил отложить расспросы до прибытия на место. К тому же по пути было на что посмотреть – например, на изодранную когтями тушу огромной рыси. Судя по всему, оборотень свернул ей шею.

Жаль, красивый был зверь, но лучше уж так – при ином исходе было бы жалко казака, и намного больше.

После получасовой прогулки по лесу мы оказались у холмика, который при более внимательном осмотре оказался сводом просторной землянки. Но прежде всего в глаза бросался луг, окружавший эту искусственную возвышенность.

Интересный пейзаж. Прямо из жизни хоббитов – окрест аккуратной землянки раскинулось поле красных цветов. Сначала я принял их за простые маки, но затем рассмотрел, что и листья помястее, и посередине вместо зародыша головки находится пестик, густо облепленный наслоениями пыльцы. Похоже, это и есть дурман-цветок. Если честно, я ожидал чего-то более экзотического.

– Мелковат цветок, – подтвердил мои сомнения Коготь, – ближе к центру Топи растут размером с большой подсолнух.

Ну, раз бывший шатун сам о себе напомнил, начнем с него:

– Скажи-ка, голубь мой сизокрылый, какого рожна ты потерялся, когда мы гнались вон за тем затейником? – для наглядности ткнул я пальцем в Кочевряжа, которого Евсей сгрузил у входа в землянку как мешок с картошкой. – Неужели захотел как-то подсобить старому дружку?

– Не сердчайте, барин, – потупился Коготь, сняв с головы картуз. При этом он по-прежнему прижимал к себе таинственный сверток, – но такая удача бывает токмо раз в жизни.

– Какая, к лешему, удача? – раздраженно спросил я и, как показало будущее, очень верно сформулировал свой вопрос.

– Так увидал я «счастливые глазки».

Глубоко вздохнув, я постарался говорить спокойно:

– Слушай внимательно, Коготь. Если мне придется задавать еще один вопрос, ты сильно об этом пожалеешь. Говори просто и понятно.

Бывший шатун все понял и заговорил четко и информативно:

– Когда бежал за вами, командир, я увидел «счастливые глазки» в траве. От радости споткнулся и покатился кубарем. Пока нашел, пока откопал, а вы уже и сами словили беглеца. Да и не дружок он мне, коль я сам же вам на него и донес. – Верно прочитав мой колючий взгляд, шатун быстро добавил: – «Счастливые глазки» – очень редкий цветок, и найти его – к большой удаче. За них можно рубликов семьдесят взять.

Коготь закончил свою речь торжественным шепотом, разворачивая бережно хранимую тряпку. Там я увидел ком грунта, из которого торчали два желтых цветочка на коротких стеблях. Они были похожи на ромашку, но, приглядевшись, можно было увидеть, что от наклона лепестки меняют цвет по всей радужной палитре.

Симпатичный сорняк, но не настолько же, чтобы так подставлять своего командира.

– Коготь, ты реально не понимаешь, как накосячил?

- Не косил я ничего, – удивленно нахмурился шатун.
- В смысле провинился.
- Дык богатство-то какое! Иной раз за всю зиму в Топи столько не соберешь.
- Тебе денег не хватает? – продолжал я сверлить взглядом Когтя.
- Хотел женке с детками чуток переслать.

Правильно мыслит мужик. Наворотил дел с семьей – принимай ответственность по полной. От обязанностей родителя его никто не освобождал.

– Похвальное намерение, но лучше бы обратился прямо ко мне. Теперь ты мой человек, и твои проблемы становятся моими. Вернемся – получишь две сотни рублей. Хватит?

Коготь задохнулся от удивления:

– Так я... так это...

Ну вот что ты будешь с ним делать? Вроде шатуны должны быть ребятами независимыми и дерзкими, но привычка к покорности слишком долго вбивалась в наш народ кнутами и сапогами. Коготь попытался брякнуться на колени, но, увидев мой свирепый взгляд, явно вспомнил, что я из Новгорода, и по-военному вытянулся в струнку.

– Так, с этим решили, – недовольно проворчал я, поворачиваясь к лежащему на траве Кочевряжу, который уже пришел в себя, но особо не шевелился под тяжелой ногой Евсея. – Теперь ты, рыба моя быстрая. Скажи-ка, мил человек, откуда ты такой шустрый взялся? Кто тебя с духами подружил?

– Мамка обучила, – присел наркобарон местечкового разлива, когда Евсей убрал ногу с его груди. – Ведуньей она была, вот и подсказала слово верное.

Шатун быстро пришел в себя и даже сумел пригладить ладонями мокрые волосы. Наверняка прическа была его гордостью – моложавый мужик явно имел популярность у провинциальных мешанок. Эдакий Николай Басков, только чуть покаянный парочкой шрамов, которые только добавляли ему брутального шарма. Работа у шатунов вредная и целостности шкурки не способствует.

– Хорошая у тебя мамка, и делу толковому обучила. А дурь ядовитую детям подсовывать тоже она наказала?

– При чем тут дети? – искренне удивился Кочевряж.

– А то ты не знаешь, что только за прошлый год в Империи от пыльцы загнулось больше сотни подростков.

– Врешь! – пораженно выдохнул красавчик.

– А в харю сапогом? – тут же отреагировал Евсей на хамство шатуна.

– Простите, ваше благородие, я же не знал, что ее деткам дают.

Ну не совсем деткам – травится в основном золотая молодежь, да и приведенную статистику я из пальца высосал, но рассказывать об этом горе-плантатору не собирался. Да и не верил я в его покаянное удивление.

– Сами нюхают, но недорослям разве ума вставишь, вон твой товарищ – на что здоровая орясина, и тот не удержался.

– Не товарищ мне эта крыса, – прорычал Кочевряж, ощерившись в сторону Когтя.

– Не любишь его? – с притворным участием спросил я и тут же зло добавил: – А я вот тебя не люблю, от слова совсем. И с удовольствием утопил бы в том болоте. Но ты будешь жить, потому что мне нужнее те, кому ты сдаешь товар в Омске.

– То серьезные люди, и тебе до них не добраться, офицеришка.

Смотри ты, узнал, несмотря на мой гражданский наряд.

– Тебя же нашел, вот и до них доберусь, – криво ухмыльнулся я на его ярость.

– Не доберешься, потому что я не крыса и не дурак.

– Загредишь на каторгу, – попытался надавить я на шатуна, но безуспешно.

– И там люди живут, – фыркнул Кочевряж. – Да и не за что меня на каторгу конопатить. Нету такого закона. Так что хоть режьте, а ничего я не скажу.

– Режьте, говоришь? – оживился Евсей и потащил из ножен любимый кинжал.

Кажется, он даже провел частичную трансформацию лица, но это я отметил лишь краем сознания, потому что думал совсем о другом.

Кто же это такой умный проконсультировал шатуна насчет ущербности местных законов? Генерал-губернатор обещал похлопотать у императора насчет введения запрета на дурманящие средства, но это дело очень нескорое.

Наглое выражение на морде шатуна и злость на несовершенство законов вывели меня из душевного равновесия.

– Подожди, – бросил я оборотню и быстрым шагом направился ко входу в землянку.

Так, что тут у нас? Мешочки и туески. Я начал с туесков. В первом были какие-то ягоды, во втором неизвестные мне листья, а вот в третьем обнаружился тонкий серебристый порошок. Его я узнал сразу, как и идущий от туеска запах. На проверку еще в четырех аналогичных емкостях находилась пыльца, и денег все это стоит немало. Но мне много не нужно. Подхватив один туесок, я вышел наружу и недобро улыбнулся шатуну:

– Ну, раз закона за пичканье людей пылью нету, то и хорошо. Евсей, поддержи-ка этого хитрована.

Казак быстро все понял и резко схватил дернувшегося шатуна за волосы. Я сначала хотел сыпануть пыльцы ему в морду, но побоялся, что она попадет на руку казака. Так что щедро насыпал этой дряни на траву и кивком призвал Евсея к действиям.

Казак понятливо кивнул и ткнул шатуна лицом в кучку пыльцы. В последней попытке избежать приема своего же товара Кочевряж дунул на пыльцу, которая тут же поднялась облачком и поплыла по воздуху. От этого стало только хуже, потому что на обратном вдохе шатун втянул в себя изрядную порцию наркоты. К тому же казак еще несколько раз ткнул его мордой в остатки дури.

– Хватит, – остановил я оборотня.

Кочевряж завыл, катаясь по траве и пытаясь стереть ладонями с лица остатки пыльцы, но это ему уже не поможет. От такого зрелища во мне что-то шевельнулось, но я тут же вспомнил Витьку Стахова, словившего передоз еще в мои студенческие годы, а также едва не убитую семью Когтя, да и тех, кто скрывался за безликими цифрами хоть и выдуманной мною, но не такой уж далекой от истины статистики. Поэтому нечто шевельнувшееся в душе быстро затихло.

По заверениям изучавших данный вопрос докторов, в себя Кочевряж придет часа через два, так что пока можно заняться базой. Но сначала чуток испортим ему кайф. Шатун развалился на траве и глупо улыбался.

Я присел рядом с горе-плантатором и тихо сказал:

– Вот ты дурачок, Кочевряж, неужели мамка не говорила тебе, что все духи берут за свои услуги больше, чем им было обещано. За сделанное они требуют с тебя душу. Я бы на твоём месте больше никогда не подходил ни к пруду, ни к луже. А еще, вон слышишь, кажется, через кусты к нам лезет леший. Уверен, явился по твою душу.

Находишь Кочевряж в здравом уме – он лишь улыбнулся бы моим инсинуациям, но сейчас огонь его паранойи раздувался мехами наркотического угара.

Шатун задергался и попытался на четвереньках рвануть через поле дурман-цветов, но Евсей вновь прижал его к земле и начал сноровисто связывать.

Оглянувшись, я увидел осуждающий взгляд своего нового подчиненного.

– Ты, Коготь, на меня волком не зыркай, а лучше семью свою чудом спасающую вспомни. Мы тут не в бирюльки играем.

Коготь ничего не сказал, лишь угрюмо кивнул.

Через полчаса содержимое землянки горело ярким пламенем, которое вырывалось из двери и узкой отдушины. Стало жарковато, у меня даже возникла мысль подсушить мокрую после купания одежду, но вслед за пламенем потянулся и какой-то совсем уж ядовитого цвета дым. Не хватало нам еще надышаться этой дрянью.

– Уходим, – приказал я подчиненным.

Коготь двинулся первым по уже пройденной нами тропе. Евсей взвалил на плечи тихо подвывающего Кочевряжа и направился следом.

Обратный путь мы прошли без проблем, и даже леший не стал нам мешать. Загрузившись в паромобиль, я облегченно вздохнул – все же хорошая у меня машинка. Вокруг болото и тина, а внутри сухо и комфортно. Ощущение портила лишь мокрая одежда.

Евсей привязал пребывающего в прострации Кочевряжа к сиденью и уселся напротив него. Коготь остался в пассажирском отделении, явно переваривая наш с ним разговор. К тому же он явно боялся, что я прикажу ему выбросить узелок с цветочком, который он все еще хранил за пазухой.

Да и пусть – обратную дорогу найду и без посторонней помощи.

Нашел, причем ни разу не сбившись, так что через час мы подкатили к нашей каланче, где я вымылся в душе и благодаря заботам Чижа оделся в чистое.

Красота!

К этому времени Кочевряж немного пришел в себя и уже был готов к дальнейшему разговору.

– Ну что, наркобарон, едрить тебя через коромысло. Понравилось нюхать эту дрянь?

Все еще не отошедший от пережитых кошмаров шатун резко замотал головой.

– Тогда говори, пока я не посадил тебя на эту отраву. Еще пару раз – и будешь сам ее нюхать, пока не сдохнешь.

Конечно, я не собирался марать себя таким поступком, да и пылицы у меня уже не было ни грамма, но Кочевряж об этом не знал. Опиумная пыльца давала привыкание уже со второго приема, но поначалу шансы вывернуться еще были. Вон Коготь как-то соскочил, правда, через жуткий запой, который и смягчил ломку.

Кочевряж об этих свойствах пылицы либо знал точно, либо догадывался, поэтому раскололся по самую... сидущку табурета.

Не факт, что он сдал всех, но десяток имен назвал. Почти все фигуранты обитали в Омске, за исключением одного, чье имя меня откровенно напрягло. Как оказалось, нарко-трафик в Топинске «крышевал» один из местных полицейских. Он же и проинформировал барыгу насчет законов.

Я, конечно, знал этого субчика, но, к счастью, не был знаком близко – так, виделись в управе несколько раз.

Да уж, неприятный разговор будет у меня с Дмитрием Ивановичем. К полицмейстеру я точно не пойду, потому что Аполлон Трофимович – дядька импульсивный и страх какой здоровый. Если что, может на пике злости мне и в морду сунуть за якобы поклев на сослуживца. Он не очень-то меня жаловал после того, как я начал работать сразу на два ведомства. Разобравшись, наш Аполлон, конечно, повинится – мужик он справедливый, – но мне-то легче не станет. Так что я лучше пойду к старшему следователю. А с остальными именами из списка уже к генерал-губернатору Западной Сибири князю Шуйскому, у коего я и числился чиновником по особым поручениям. Уж там-то мне опасаться нечего – Петр Александрович держит всех в городе в ежовых рукавицах и раздает перцовые пряники направо и налево, можно сказать, с удовольствием. Так что подбросим ему повод для веселья. Заодно почистим ряды вкрай распоясавшихся бюрократов.

Если честно, меня совсем не удивило, что среди омских фигурантов дела лишь один относился к купеческому сословию, – все остальные носили чиновничьи мундиры.

Закончив разговор с Кочевряжем, я взялся писать отчеты и продумывать план своей встречи с генерал-губернатором, на которую, если повезет, попаду денька через два. В тот момент я еще не догадывался, что увижу начальство значительно раньше.

Оторвав меня от писанины и размышлений, на моем рабочем столе задребезжал телефон. Линию пришлось тянуть до каланчи за свой счет. Благо по улице нашлось еще три купца, которые только начали богатеть. Их-то и удалось раскрутить на бесполезную, но очень статусную вещь.

– Силаев у аппарата, – привычно сказал я в трубку.

– Игнат, привет, – послышался голос Лехи. – Где тебя носит?! Аполлон Трофимович рвет и мечет. Ты почему к телефону не подходишь?

Губернский секретарь Алексей Карлович Вельц был моим первым другом в этом мире. Теперь он являлся неким неформальным мостиком между городской управой полиции и топинским отделом генерал-губернаторской канцелярии по борьбе с распространением дурманящих средств.

– Что за пожар у вас там приключился? – настороженно спросил я, коря себя за оплошность.

Давно нужно было привлечь Чижу отвечать на телефонные звонки и записывать сообщения. Пока что паренек шарахался от новинок, которыми я напичкал дом, как черт от ладана. Хорошо хоть научился пользоваться унитазом.

– А ты не видел? – таинственно изрек Леха.

– Чего я не видел?

– Вот ты чудак! – послышался изумленный возглас моего друга. – Весь город, разинув рот, смотрит в небо, а ты небось только ворон там и считаешь.

– Ты можешь толком объяснить?

– Не, так неинтересно. Приезжай. Только быстро и при полном параде.

Я хотел возмутиться, но опоздал – абонент отключился.

Впрочем, Леха обычно такими вещами не шутит. Так что я очень оперативно обрядился в полицейский мундир. От службы в полиции меня никто не отстранял, так что форму я сохранил, лишь поменял погоны, которые отличались от старых исчезнувшими тремя звездочками. Странно смотреть на погоны вообще без звезд, но тут такие правила. У моего бывшего начальника были такие же, что меня немного напрягало: ведь наши заслуги перед империей несравнимы – он уважаемый следователь, а я выскочка, которому удалось выслужиться лишь в одном громком деле. Надеюсь, Дмитрий Иванович скоро получит коллежского асессора, и вид его погон перестанет меня смущать.

Пройдя в гараж, я увидел, как Василич отмывает изгвазданный в болоте паромобиль. Хорошо, что я додумался поднять уровень комфорта в нашем доме до небывалых в этом мире высот. В пристройке находился отопительный комплекс с малой паровой машиной, который не только разводил горячую воду по батареям, но и поддерживал давление в водопроводе. Так что одноногий оружейник не елозил по корпусу смоченной в ведре тряпкой, а смывал грязь с помощью шланга. За ним ходил Чиж и щеткой на длинной ручке отчищал заковыристые места. Вода стекала в слив, который выводился в выгребную яму за домом. Туда же вели трубы от двух унитазов в туалетах на обоих этажах. Такой вот у меня получился бытовой двадцать первый век в антураже века девятнадцатого.

Я посмотрел на мокрый аппарат и подумал, что придется искать извозчика. Корней Васильевич в свою очередь глянул на нарядный вид начальства и, похоже, прочитал мои мысли:

– Игнат Дормидонтович, сей минут закончим.

– Хорошо, – кивнул я, понимая, что искать извозчика дольше, чем они потратят на завершение работы.

Хотелось помочь в отмывке паромобиля, но опять же, пока буду переодеваться, справятся и без меня. Так что я просто присел на лавку у стены – вот такой вот барин, не устающий наблюдать за тем, как подчиненные работают.

– Все! – Василич, скрипнув протезом, отошел чуть назад и критически осмотрел паромобиль. – В середине я уже прибрался. Так что можете ехать.

– Спасибо, Корней Васильевич, – искренне поблагодарил я, забираясь на водительское место через боковую дверь пилотского отсека.

– А можно с вами? – умоляюще посмотрел на меня Чиж.

– Можно, – улыбнулся я, захлопывая дверцу.

Словно мелкий птах, парень пролетел мимо передка мобиля и запорхнул на пассажирское сиденье.

Он уже не раз ездил со мной и даже был допущен до управления под бдительным приглядом и в безлюдной местности. Но все равно паромобиль приводил парня в неувядающий восторг. И именно этот восторг убивал тот страх, который он испытывал к телефону и душевой кабинке.

Пару раз дернув за рычаг насоса, я накачал в котел смесь воды и реагента. Под ногами заклокотало. Через десяток секунд контрольный клапан пыхнул, сообщив, что давление в котле дошло до допустимого максимума. Об этом же говорил манометр на приборной панели.

Паромобиль мягко качнулся и во второй раз за этот день выехал на улицу.

Ближе к центру города размокшая грунтовка закончилась, и мы выехали на брусчатку. Я старался не особо ездить по камням, чтобы не стирать гусеничные ленты из энергетического каучука, но тут уж либо застревать в грязи на колесах, либо стирать ленты на брусчатке. Денег у меня хватало, так что второй вариант предпочтительнее.

Когда мы свернули на главную улицу города, я наконец-то понял, о чем говорил Леха.

– Ух ты, дирижабль! – озвучил мои мысли Чиж, хотя и неточно, так что я автоматически поправил его:

– Дирижабль.

Действительно – чудо чудное. В принципе, летающие аппараты легче воздуха в империи не такая уж редкость, но пока частный бизнес до них еще не добрался. Так что, кроме императорского воздушного флота, дирижабли были только у некоторых членов царской семьи и в зарождающейся Императорской Торгово-транспортной компании.

Причалной мачты в городе конечно же не было, и дирижабль пришвартовали длинными тросами прямо к фонарным столбам и на скорую руку вбитым в газоны аварийным якорям.

Леха однозначно прав: когда эта дура летела над городом, равнодушных в Топинске не оставалось. Скорее всего, это случилось, когда мы были на острове и не могли насладиться редкостным зрелищем.

Жаль, в полете этот красавец наверняка смотрелся сногшибательно. Было сразу видно, что это, так сказать, модель представительского класса. Я не являюсь специалистом в дирижаблях, но кое-какие особенности отметил сразу, к тому же в голове всплыли мельком прочитанные строки из «Имперской энциклопедии». Судя по соотношению размеров гигантского баллона и гондолы, в этой штуке использовали не водород, а гелий. Вроде его научились выделять из природного газа с помощью какого-то артефакта. Значит, летать на таких штуках безопасно. А вот на этом еще и комфортно.

Дизайнер дирижабля явно вдохновлялся создателями морского флота века эдак шестнадцатого. Гондолу украсили как испанский галеон – золотые завитушки и серебристые фигурки. Баллон тоже пытались облагородить, но ограничились раскраской черного шелка золотыми узорами.

В общем, получилось красиво и стильно.

Я так засмотрелся на это летающее чудо, что едва не въехал в стоящую у обочины пролетку. Благо скорость у паромобиля была минимальной, так что тормоза сработали безупречно.

Лихо, насколько это позволяли квадрогусеницы, я подкатил к полицейской управе, но не то что войти внутрь – даже выйти из паромобиля мне не дали.

– Ваше благородие! – замахал руками знакомый городской. – Езжайте к ратуше!

Ну, к ратуше так к ратуше.

Да уж, похоже, у них тут знатный переполох. Вон прямо на лестнице меня встречает цельный полицмейстер. Наш Аполлон был настолько взволнован, что его встопорщенные бакенбарды превращались в львиную гриву.

– Где тебя носит... – начал было распекать меня полицмейстер, но уже в который раз вспомнил, что я как бы не совсем его подчиненный, поэтому исправился: – Милостивый государь, вы заставляете себя ждать таких людей!

– Виноват, ваше высокоблагородие! Только вернулся с задержания преступника, – вытянувшись в струнку, четко ответил я, хотя мне очень хотелось узнать, какие такие люди сумели до такой степени всполошить нашего гиганта.

– Ладно, раз уж служебная надобность... – Полицейстер не договорил и лишь махнул рукой, призывая меня идти за ним.

А вот это уже сюрприз. В кабинете председателя городского собрания за столом восседал мой наиглавнейший шеф – генерал-губернатор Шуйский. Хозяин кабинета вместе с главой городской управы, а теперь еще и полицмейстером заодно, что-то лопотали, застыв перед гостем по стойке «смирно». За спиной князя с мрачными минами на суровых лицах стояли два его адъютанта. Это еще те волкодавы, причем службу секретарей, а порой и денщиков, они исполняли виртуозно. Особой дружбы у меня с этими парнями не получилось, но, так как мы считались членами одной команды, можно сказать, терпели друг друга.

– Много воли взяли, господин титулярный советник. Заставляете себя ждать даже меня.

– Виноват, ваше сиятельство! – изображая из себя тупого служаку, заорал я. – Виноват в том, что не виноват! Был на задании, которое сам же себе и выдал!

– Прекрати паясничать, – устало вздохнул генерал-губернатор.

Не понял. Ладно, топинских чинуш взбудоражило внезапное появление высокого начальства. А князя кто умудрился укатать до таких вот томных вздохов?

– Господа, не оставите на минутку? – попросил князь, и троицу городских боссов как ветром сдуло.

Вроде князь особо не выделял установку голосом, но оба адъютанта неожиданно для меня последовали за топинскими чиновниками.

Не понял.

– Что-то случилось, Петр Александрович? – обеспокоенно спросил я, когда мы остались одни.

Еще три месяца назад я и не думал, что смогу обращаться к генерал-губернатору, да в придачу еще и сиятельному князю, по имени-отчеству. Но, как оказалось, у чиновников по особым поручениям есть свои привилегии.

– Случилось, Игнат, и мне нужна твоя помощь.

Кикимору мне в тещи! Что же это такое творится-то?! Неужели земля вот-вот налетит на небесную ось?!

Шутки шутками, но таким своего шефа я еще не видел. Обычно этот в принципе некрупный человек своими пышными бакенбардами и шикарными усами рыжей масти напоминал эдакую слегка ленивую, но очень опасную рысь. Сейчас же он выглядел как уставший, потрепанный жизнью кот. Про себя я называл начальника стариком, но это было скорее образное выражение, потому что старым князь не казался, да и его подвиги на любовном фронте гово-

рили сами за себя. Но в данный момент мой шеф выглядел на все свои семьдесят с хвостиком, если не больше.

Комментировать странное заявление генерал-губернатора я не стал, да в том и не было никакой необходимости.

– У нас пролетом оказалось цинское посольство, – устало проговорил князь. – И надо же было такому случиться, что именно в моем городе... в общем, убили первого секретаря посольства. Княжна рвет и мечет, а я уже не так молод, чтобы без урона для чести и нервов сносить бабские упреки.

– Простите, ваше сиятельство, но при чем тут какая-то княжна?

Мой вопрос немного разозлил князя, чего я и добивался. Тяжело было видеть старика в настолько унылом состоянии.

– Не какая-то, а великая княжна Дарья Петровна, сейчас она, конечно, графиня Скоцци, но кого это волнует! В общем, собирайся, нашего старичка я к месту происхождения подпускать не рискнул, – сказал князь, намекая на моего омского коллегу.

Князь встал и, делая широкие шаги, направился к двери. Я двинулся следом и, пока мы еще были наедине, позволил себе мучивший меня вопрос:

– Ваше сиятельство, а почему вы сами...

Князь остановился перед пока еще закрытой дверью, развернулся и, посмотрев мне в глаза, тихо сказал:

– Если честно, она меня пугает до мурашек в животе.

У меня чуть челюсть не отвисла. Генерал-губернатор Западной Сибири, которого за глаза все называли Живодером и если не боялись до дрожи в коленках, то точно опасались, испугался какой-то княжны!

Впрочем, как сказал князь, она очень даже не какая-то. Если бы не кривоватая улыбка, я бы подумал, что старик совсем сдал. Мы вырвались из кабинета с видом гладиаторов, идущих на смертный бой. Подтянувшиеся к кабинету разномастные чиновники затихли и выстроились по бокам ковровой дорожки как почетный караул.

Ох, чувствую, выльется мне их переполох в неприятности, хотя я здесь вроде и ни при чем.

Буря в лице генерал-губернатора как неожиданно налетела на тихий город Топинск, так же внезапно и ушла.

Уже когда мы двинулись от колоннады здания ратуши к лифтовой люльке дирижабля, мне наконец-то удалось окончательно справиться с замешательством.

– Простите, ваше сиятельство, но мне нужно собрать свои вещи, да и кое-какие дела уладить, – осторожно сказал я, тем самым затормозив целенаправленное движение князя к дирижаблю.

Князь остановился, и тут же волна резко подскочившего напряжения чиновников ударила мне в спину – они-то небось уже облегченно выдохнули, глядя вслед убывающему начальству.

– Нет времени, – недовольно проворчал генерал-губернатор. – Купишь все необходимое в Омске, ты же у нас записной богач. – Заметив мой быстрый взгляд в сторону паромобилия, князь добавил: – Твой аппарат?

– Мой.

– Чудной, – резюмировал князь. – По Сеньке ли шапка?

– Это не на потеху гордыни. Я на нем по болотам злодеев гоняю. Замучился отмывать от грязи.

– Ну, коли так, – хмыкнул князь, – пять минут, чтобы дать распоряжения подчиненным и коллегам, а после сразу на корабль.

– Слушаюсь, ваше сиятельство! – козырнул я и побежал к паромобилю.

Влезать не стал, а лишь приоткрыл дверцу в водительский отсек.

– Чиж, сейчас найди извозчика – и быстро домой. Пусть Корней Васильевич заберет паромобиль.

– Я и сам могу! – тут же оживился парень.

– Ага, заехать в гости к кому-нибудь в магазин через витрину. Причем прямо на этой площади. Рано тебе в самостоятельный заезд. Слушай дальше. Скажешь Евсею, пусть соберет мой оружейный баул и захватит полевую одежду. И чтобы вечерним поездом отбыл в Омск. Там я его найду. Так... – задумался я, пытаюсь сформулировать послание для Бренникова.

С робкой надеждой оглянулся и радостно увидел, что в растущую компанию выраженных чиновников затесался и мой бывший начальник.

– Выполняй что сказано.

– Слушаюсь! – пискнул парень и выпорхнул из водительского отсека.

Стараясь идти быстро, но при этом не теряя благообразия, я подошел к группе чиновников. От меня шарахнулись как от прокаженного. Ну что ты будешь делать?! Еще не знают, что случилось, но уже на всякий случай боятся подхватить от меня заразу начальственной немилости.

Это единое, как у стайки рыб, движение оставило на освободившемся пространстве лишь одинокую фигуру следователя. Он не потомственный чиновник и в полицию попал из армии, так что бюрократическими суевериями не страдал.

– Игнат, что происходит? – подойдя ближе, тихо спросил следователь. – У вас проблемы?

– Абсолютно никаких. Есть дело в Омске, но рассказать о нем не имею права.

– Это ради какого же дела сам генерал-губернатор...

– Дмитрий Иванович, – с укоризной прервал я следователя.

– Простите, но все же вы явно меня искали.

– Да, – оглянувшись на стоящих поблизости чиновников, согласился я, – мне удалось взять шатуна, который выращивал дурман-цветы. По закону ему предъявить нечего, но мне удалось кое-что из него вытрясти. И одно из названных им имен вам следует знать.

– Даже так? – напрягся Бренников, и не напрасно.

Подойдя еще ближе, я шепнул ему на ухо фамилию опорочившего себя полицейского.

– Вот мерзавец, – сквозь зубы процедил следователь, и я понял, что подельнику Кочевряжа мало не покажется. – Вы хотите дать делу официальный ход?

– Нет, оставляю решение за вами. И еще прошу взять в оборот этого изобретательного ботаника. Сейчас он у нас в каланче, но хотелось бы, чтобы им занялись вы.

– Конечно, можете на меня рассчитывать, – согласно кивнул Бренников.

– Будьте внимательны. Очень скользкий тип. Как-то сумел договориться с лешим и русалкой.

Щека следователя непроизвольно дернулась. Так уж сложилось: по неформальному наказу церкви и общественным правилам приличия наличие в этом мире всякой нечисти не то чтобы отрицалось, а просто не признавалось. Увы, у Бренникова возможности носить розовые очки уже не было – он и мой «Бестиарий» читал, и трупы упырей описывал в отчетах, а также стриг и оборотней наблюдал воочию. К тому же не единожды имел сомнительное удовольствие лицедреть моего Кузьмича.

– И не таких обламывали. Справимся, – решительно кивнул следователь.

– Благодарствую.

Пожав бывшему начальнику руку, я быстрым шагом направился к дирижаблю. И чем ближе я подходил, тем огромнее он мне казался. Свита генерал-губернатора уже загрузилась на борт, так что я сразу вошел в лифт. Подъемник был похож на большую бельевую корзину и, если честно, доверия не внушал.

Один из двух стоявших у подъемника матросов – или как там они называются – дунул в свисток, и корзина со мной рывком взлетела вверх. У меня по коже пробежался неприятный морозец и чуть подогнулись ноги. Надеюсь, это от резкого движения, а не от слабости в поджилках. Мало того что плетеные стенки поскрипывали, так еще и вся конструкция немного раскачивалась на ветру. К счастью, подъем занял всего несколько секунд. Лучи солнца, пробивавшиеся через щели, внезапно исчезли. Затем дверца открылась, и я вышел из этого странного лифта, оказавшись в небольшом отсеке. Там меня ждал еще один матрос:

– Прошу за мной, ваше благородие.

Только теперь я внимательнее рассмотрел внешний вид матроса. Одет он был в нечто похожее на свободный комбинезон десантника, только темно-синего цвета. На голове пилотский шлем с незастегнутым подбородочным ремнем. На ногах ботинки. Этими ботинками он и потопал по полу коридора, отходящему от шлюзовой камеры.

По бокам шли двери с круглыми иллюминаторами. Все вокруг было сделано из дерева, в редких случаях усиленного металлом. В конце десятиметрового коридора находилась винтовая лестница, по которой матрос начал подниматься на второй уровень. Подойдя к лестнице, я увидел, что она соединяет сразу три этажа.

На втором уровне был такой же коридор с дверьми, только он тянулся уже в обе стороны от лестницы и был в два раза длиннее. На третьем уровне еще один коридор, опять короткий. Сразу же справа от лестницы находилась большая дверь, которую и открыл матрос, уже преодолевший последние ступени. За дверью обнаружилась неожиданно большая комната, особенно после тесных переходов. Это точно была кают-компания. Посреди помещения находился овальный стол на десять персон. У стен стояли мягкие диванчики. Между ними в стенных нишах за стеклом виднелись разные бутылки и стаканы, закрепленные в специальных ячейках.

Князь сидел на диване, а его адъютанты-охранники томились неподалеку, глаза на противоположную от входа стену кают-компании. И посмотреть там было на что. Вся передняя часть прямоугольной комнаты и частично боковые были застеклены и открывали шикарный вид на небо. Чтобы увидеть землю, нужно было подойти поближе. Ну а тем, кому захочется заглянуть под дирижабль, придется выйти через одну из двух дверей на боковые открытые галереи.

Лично мне захотелось сразу же, и очень сильно, так что я не стал особо стесняться. Только тихо поинтересовался у стоящего рядом матроса:

– А можно выйти наружу?

– Конечно, ваше благородие, – тоже тихо ответил матрос, покосившись на погруженного в раздумья князя.

Дверь открылась без проблем, и я оказался на смотровой площадке. Конечно, для того, кто работал на двадцатом этаже офисной высотки, вид был не таким уж шокирующим, но все равно очень красиво. Да и чуть раскачивающаяся громадина дирижабля – это вам не твердь уверенно стоящего на мощном фундаменте здания.

Беспочвенность моих опасений стала понятна сразу: узкий мостик, который шел параллельно с правой стеной кают-компании и доходил до застекленной зоны, был огражден высокими перилами мне по грудь. Так что выпасть отсюда можно только преднамеренно, ну или если дирижабль будет нещадно болтать.

Засмотревшись на лежащий у моих ног Топинск, я не заметил, как подошел генерал-губернатор:

– Знаешь, Игнат, я всегда чуточку завидовал вам.

– Нам? – удивленно переспросил я.

– Новгородцам.

Вот постоянно забываю, что я тут считаюсь новгородцем, хотя в Господине Великом Новгороде ни разу не был – ни в этом мире, ни в том.

– В вас нет страха, – продолжил князь, оглядывая окрестности. Кроме нас двоих на площадке больше никого не было. – А в нас этот страх впитывается как вонь отхожего места, и избавиться от него очень сложно.

Да уж, неожиданное заявление, особенно от такого человека.

Видно, прочитав эту мысль в моих глазах, князь улыбнулся:

– Да, Шуйские – один из самых старых родов империи. Мои предки верой и правдой служили еще Ивану Грозному. Но даже нас с детства учили постоянно думать, о чем говоришь. Каждое неосторожное слово может сильно испортить жизнь. Так и рождается страх даже в сильных мира сего. – Некоторое время князь смотрел вдаль, затем вздохнул и продолжил: – Я ведь очень горевал, когда меня сослали на службу в Сибирь. А затем понял, что это была милость божья, а не испытание. Мне здесь просто некого бояться. Даже отправь кто кляuzu в императорскую канцелярию – там только разведут руками. Ведь куда меня дальше пошлешь? Послом в Нихон? Так то будет умалением чести княжеской, старые роды не поймут. Так что только в Сибири я и вздохнул свободно. Но вот явилась эта пигалица, и опять в душе шевельнулось что-то забытое и мерзкое. Тебе не понять, ты действуешь и говоришь без страха. Может, потому что по юношеской глупости не ведаешь о возможных последствиях. Думаешь, я не вижу, что и кланяешься ты, и тянешься словно лицедействуя. Нет в тебе страха.

Князь опять погрузился, и, если честно, мне стало его жалко, так что я позволил себе легкую лесть:

– Ну, перед вами я и тянусь, и кланяюсь вполне искренне.

– Вот за это и ценю тебя. Поэтому и защищаю. Ладно, что-то размяк я. Старее, наверное.

Князь приосанился и, заложив руки за спину, пошел к двери в кают-компанию. Как только он приблизился, дверь тут же открыл один из адъютантов. Наверняка подслушивал, шельмец, но помощники у князя вышколены и буквально ели с руки хозяина, так что опасаться их не стоило.

Странно, конечно, что он так раскрылся перед малознакомым, по сути, видоком в невысоких чинах. А может, именно в этом и дело? С кем ему еще поговорить? С вечно трясущимися подчиненными или с больше похожими на роботов адъютантами? Вероятно, мое новгородское происхождение отводило меня куда-то в сторону от этой пирамиды страха.

В чем-то Шуйский одновременно был прав и не прав. Я действительно паясничал, когда изображал из себя подобострастного служаку. Но это не от отсутствия страха, а потому что по-другому не умею. Да и грусть князя мне понятна. В моем мире до революции все было точно так же – каждый боялся проронить неосторожное слово. После революции этот страх не исчез, хуже того: он стал паническим, потому что тут уже не немилостью царской или каторгой пахло, а пулей в затылок. Когда Союз распался, как гнилая дерюга, появился выбор. Можно было уже не бояться, но почему-то большинству удобнее в своем страхе. Зато тех, кто разучился страшиться начальственной немилости или дубинки надсмотрщика, согнуть уже нельзя – сломать можно, но не согнуть.

Так, что-то меня пробило на философию – видно, заразился меланхолией от князя. Интересно, какая она, эта великая княжна Дарья Петровна, которая так разбредила старику душу?

От размышлений меня отвлек шум, напоминавший громкое гудение шмеля. Можно предположить, что это заработали пропеллеры дирижабля. И верно, город подо мной поплыл куда-то назад. В общем, мы полетели.

Ветер на открытой площадке усилился, так что мне пришлось придержать фуражку, чтобы она не осталась в Топинске. За непотребный вид князь всыпет по первое число, несмотря на всю симпатию ко мне и мое эксклюзивное новгородское происхождение.

Кстати, после всех этих бесед посетить Новгород мне захотелось еще больше, но, если честно, потом все же вернусь в Топинск. Нравится мне здесь. Склонив голову над перилами, я глянул вниз на уплывающий город.

Смотреть на сибирские просторы под брюхом дирижабля было очень интересно, но холод уже забрался под легкую шинель, так что пора в тепло.

Особо порадовало, что в кают-компании уже накрыли поздний обед. К генерал-губернатору присоседились два офицера в форме, которая была похожа на морскую, только светло-синего цвета. За спиной генерала застыли адъютанты, а офицеров обслуживали два матроса. Кок в поварском колпаке разливал из изящной фарфоровой кастрюльки какое-то жидкое блюдо.

Если честно, я растерялся. Непонятно, можно ли мне присоединиться к сей компании. Оба офицера были выше меня по званию – один лейтенант, а второй капитан второго ранга. Но, развеяв все сомнения, князь пригласил меня за стол.

Офицеры вели себя настороженно. Оно и понятно – по табели о рангах империи я скакал как блоха. По особому рескрипту императора поступающие на службу империи ученики Новгородской энергетической академии, а также школы видоков выпускаются сразу в чине коллежских секретарей. Плюс к этому практически в обход закона – раньше трех лет службы – за поимку маньяка я получил от князя титулярного советника. Во флоте для подобного скачка нужно отслужить минимум десять лет, а максимум двадцать. К тому же даже армейцы недолюбливали полицейских, а флотские и подавно. Спеси у последних было выше крыши. Осталось понять, к кому ближе летуны – к армейцам или мореманам.

За обедом выяснилось, что офицеры – господа адекватные, только не очень охотно отвечали на вопросы по устройству дирижабля. Да и то больше из-за усталости от многократных повторений, а не по причине секретности сведений или вредности характера. В конце концов, капитан-лейтенант посоветовал мне книгу, которая находилась в одном из шкафов кают-компаний. Изучением ее я и занимался почти все время пути до Омска.

Глава 3

Похоже, книгу составлял именно тот, кого утомили расспросы дилетантов, или просто профессионал своего дела по просьбе подобных бедолаг. На страницах пухлого, но компактного томика была изложена вся история воздухоплавания империи. Начали они, как и в моем мире, с водорода, но трагедия, постигшая цеппелин «Гинденбург», здесь случилась намного раньше. Отрасль едва не умерла, но в Новгородской академии был создан артефакт, способный выделять гелий из природного и нефтяного газов. Так дирижаблестроение получило новый толчок, причем настолько сильный, что вполне могли пострадать самолеты. О них я пока ничего не слышал.

Двигались воздушные гиганты с помощью винтов на паровой тяге. Котлы, так же как в паровозах и паромобилях, работали на термальном реагенте, что сильно увеличивало полезную нагрузку корабля.

Кроме основной книги, на полке я нашел и брошюрку, где были описаны все дирижабли, построенные на данный момент. Наш назывался «Стремительный» и был приписан к министерству иностранных дел. Из-за спешки и волнения подробно рассмотреть воздушное судно мне удалось только на иллюстрации. Сейчас я находился в кают-компании прямо над боевой рубкой, которая выдвигалась перед корпусом как нос у дельфина. Верх этого застекленного «носа» я видел, когда наклонялся над перилами смотровой площадки. Вооружен «Стремительный» двумя тридцатисемимиллиметровыми пушками, размещенными на носу и корме гондолы, а также пятью пулеметами, два из которых находились в гнездах прямо на куполе оболочки.

Увы, полазить по служебным помещениям гондолы мне не разрешили, так что пришлось довольствоваться видами со смотровой площадки, изучением справочника и беседами с князем. Чем ближе мы подлетали к Омску, тем отстраненнее становился генерал-губернатор. Я делал вид, что так и нужно, да и вообще не особо радовался минутной слабости старика. Как бы впоследствии мне не пришлось пожалеть о ней.

Триста с хвостиком километров до Омска мы преодолели за неполных три часа, что по местным меркам было запредельной скоростью. С высоты птичьего полета Омск выглядел великолепно. Плавный изгиб Иртыша с вкраплениями островков и отмелей. Озорная Омь, которая, поднырнув под каменным мостом, нежно вливалась в более полноводный поток. Стройные ряды особняков, чопорных как купеческое собрание первой гильдии. За ними виднелся городской парк и железнодорожный вокзал. Справа проплывали крыши кожевенной мануфактуры и окружавших ее складов. Именно там мы с Евсеем брали профессора Нартова, и там же мне пришлось делать сложный выбор – мучительная неволя для друга и наставника или десятки девичьих жизней, которые заберет безумный ученый, если останется на свободе. Был еще вариант с пулей в голову, но я не смог.

Когда вдаль показался шпиль Омского университета, где преподавал профессор, мое настроение окончательно испортилось. Да, город остался по-прежнему прекрасен, но в моих глазах его краски как-то выцвели. Так что я вернулся в кают-компанию.

Как оказалось, в Омске была своя причальная мачта для дирижаблей, но только одна, а сейчас город посетили сразу три небесных корабля. Чуть в сторонке, удерживая среднюю высоту, как борцы сумо, друг напротив друга застыли два гиганта. Один был очень похож на «Стремительного», только раза в три больше. Я насчитал как минимум шесть артиллерийских спарок и десятка два пулеметов в гондоле и по периметру оболочки. Вторым выглядел очень колоритно – размером примерно со старшего брата нашего корабля, да и вооружен не хуже. Отличия конечно же были – оболочка чуть уже, зато длиннее, а прилипшая к баллону

гондола украшена в восточном стиле, с драконами по бортам. Также огромное изображение китайского дракона несколько раз оббивало жесткую оболочку с газом.

«Стремительный» причалил к оставшейся свободной мачте, так что мы спустились не в странной корзине для белья, а на нормальном лифте. Ну, если скрипучую коробку с паровым приводом можно назвать нормальным лифтом.

У вышки нас встречала чиновничья свита генерал-губернатора, который опять обрел силу и стремительность движений. На его лице застыло властное и монументальное выражение. Если все это, конечно, не маска. Меня тут же оттерли в сторону, но один из адъютантов остался рядом.

– Игнат Дормидонтович, нам к служебному мобилу, – указал он на скромный паромобиль, стоявший третьим в кортеже из девяти единиц транспортных средств.

Чем дальше адъютант отходил от генерала, тем более человечным и менее роботизированным становился.

– Благодарствую за заботу, Андрей Федорович, а то меня едва не затоптали.

– Выслуживаются, – криво ухмыльнувшись, тихо сказал адъютант, – когда великая княжна изволили гневаться на Петра Александровича, так все разбежались, словно прусаки по щелям. А вот теперь повыползали.

Ага, похоже, разговор по душам с князем не остался незамеченным, и меня приняли в ближний круг его свиты. Вроде и не стремлюсь выслуживаться, но поди ж ты, приятно.

Пока князь на ходу раздавал перцовые пряники и усаживался в паромобиль, нам пришлось немного поскучать. Затем мы наконец-то поехали.

Двигались быстро и через двадцать минут оказались у черного входа в Белый дворец, который в народе называли «Торопыжка». Появилось это здание, когда купцы первой гильдии торговой палаты Омска узнали, что их город собирается посетить Федор Второй – батюшка нынешнего царя. Денег у купцов было много, а достойных принять царя зданий, по мнению тех же купцов, не было вовсе. Вот они и скинулись, желая пустить пыль в глаза всему свету. За дело взялся лучший подрядчик города, но из-за постоянных пинков заказчиков что-то пошло не так. Царя с горем пополам приняли, но на то, чтобы здание после этого не развалилось, пришлось потратить втрое больше средств, чем на его постройку. В конечном итоге дворец все же был доведен до ума, и сейчас в нем останавливались самые дорогие гости Омска, для которых посещать гостиницы было не комильфо, как и подселаться к кому-то из дворянского собрания.

У черного входа в дом навтыжку застыли полицмейстер Омска Рогов и старший следователь Тарасов со сворой подчиненных. Своего коллегу – престарелого видока – я нигде не видел. Лица встречающих иллюстрировали полярное отношение ко мне полицейских Омска. Полицеймейстер обжег злобным взглядом, а Анастас Денисович улыбнулся уголками рта. У нас со старшим следователем возникла взаимная симпатия еще со времен охоты на Мяслика – маньяка, за зловещим прозвищем которого властям удалось скрыть от общественности профессора Нартова и его жуткие эксперименты.

Князь прошел в открытую дверь, даже не удостоив взглядом никого из встречающих. Я, как положено, отдал честь, на что полицмейстер вынужден был ответить тем же. Затем он шмыгнул за князем. Теперь мы со старшим следователем могли перекинуться парой слов.

– Все плохо, Анастас Денисович?

– Хуже некуда, – вздохнул следователь. – Его сиятельство не хотел допускать до ритуала нашего старика, а их высочество чуток осерчали и приказали доставить кого нужно перед ее ясны очи. Даже разрешила использовать свой дирижабль. Вот князь и выполнил ее приказ... буквально. Ох и взбесилась же княжна, когда их сиятельство улетели за вами самолично. Такого я еще не видал.

Намекая на то, что мы слишком задержались, следователь сделал приглашающий жест рукой. Да уж, бесить начальство лишний раз не стоит, оно и так, судя по всему, на пределе.

Меня сразу проводили в одну из комнат дворца. Там уже находились князь с полицмейстером и три человека в гражданском, от которых так и веяло опасностью, а еще два китайца в колоритных нарядах. Один был наряжен в шаровары и что-то напоминающее кафтан. Меч на бедре выдавал в нем воина. Этот хоть на голову надел отдаленно знакомую шапочку с поднятым тыльником и ушками, а вот второй вырядился в сухую распашонку и увенчал себя прикольной шапкой с красным верхом, из которой торчало эдакое помело. Я, конечно, видел исторические фильмы о древнем Китае, но чтобы вот так, воочию лицезреть подобную экзотику...

Так, не смеять улыбаться!

Компанию семерым мужчинам составляла одна дама. Похоже, это и есть великая княжна Дарья Петровна. Оригинальная особа. Она явно всеми силами старалась придать себе сходство со Снежной королевой – серебристое платье, собранное сзади, облегалo стройную фигуру. Темно-серая маленькая шляпка в охотничьем стиле с белоснежным пером. Ниже белый шейный бант на высоком воротнике. А между шляпкой и шарфом бледное до изморози холодное лицо с тонкими чертами и губами-ниточками. И только синие, с легкой сумасшедшинкой глаза оживляли эту ледяную скульптуру. Наведенная строгость добавляла княжне, точнее графине, несколько лишних лет, но ей вряд ли было больше двадцати пяти.

Если честно, такой типаж женщин мне не нравился.

Не понял, я что, так громко думаю? Великая княжна посмотрела мне в глаза и удивленно изогнула бровь:

– Князь, и вот ради этого... юноши вы заставили меня ждать?

Голос у нее был глубоким, с легкой хрипотцой и тоже отдавал льдом, как и весь образ.

– Поверьте, этот юноша способен на многое и уж точно справится получше нашего городского видока.

Княжна окинула меня взглядом с ног до головы, явно интерпретируя слова генерал-губернатора по-своему. Князь заметил эту гримасу и тут же взял дело в свои руки. Он решил опустить все церемонии, возможно нарушая какие-то дипломатические протоколы:

– Игнат Дормидонтович, тело в соседней комнате.

Я молча кивнул и прошел в указанную дверь. В комнате никого не было, если не считать лежащего у окна тела во все той же распашонке, только не такой богатой, как у предыдущего господина.

Картина убийства стала ясна с первого же взгляда – торчавший в шее дротик от духовой трубки сомнений не оставлял. Скорее всего, выстрелили в спину, когда китаец смотрел в окно на городской парк. Значит, будем устраиваться в углу комнаты, возле внешней стены.

Так, сначала достаем из планшетки казенные гогтлы. Теперь я похож то ли на газосварщика, то ли на косплейщика, отыгрывающего героя стимпанка. В данный момент света в комнате хватало, так что для меня ничего не изменилось. Усевшись на пятки в лучших традициях самураев, я положил ладони на бедра, закрыл глаза и глубоко вздохнул. С каждым разом будить свой дар с помощью нанесенных на мое тело рун удавалось все легче.

Когда почувствовал, как потеплели татуировки, я открыл глаза. Таким образом контраст реальной картинки и видения не вызывал когнитивного диссонанса, как это было во время проведения моих первых ритуалов. Комната почти не изменилась, только теперь ныне покойный китаец не лежал, а стоял у окна. Он явно любовался восходом солнца.

На меня нахлынули эмоциональные образы человека, пребывающего в состоянии полного покоя. Казалось, я почувствовал запах сакуры и услышал звук журчания горного ручья. Это не были четкие ощущения – просто эмоциональная тень человека, которая была врезана в ткань мироздания противоестественным актом убийства. Это как шрам на коже, но он недол-

говечен и продержится чуть больше суток. А после ритуала видока возмущение пространства исчезнет практически сразу. Так что у меня одна попытка, и именно поэтому князь не допустил сюда омского видока, который давно устал от своей работы.

В моем видении предрассветное освещение было слабовато, так что гогглы дополнили затемненные места деталями, сотканными из серых полутонов.

Именно такой тенью выглядели двери, которые бесшумно открылись, не потревожив задумчивого цинского чиновника.

Вот зараза!

Вместо ожидаемой фигуры убийцы в комнату вплыло размытое облако. Неприятный нюанс, но с такой штукой я сталкивался не первый раз.

Перед тем как использовать эффект удильщика, попытаемся заглянуть в душу убийцы. У него оказался неплохой самоконтроль – эмоции еле угадывались.

Ладно. Ловись, рыбка, большая и маленькая.

Сконцентрировавшись, я представил, будто набрасываю на нечто в центре размытого облака крючок с леской. В этот же момент из облака вылетела крохотная стрелка, и я боковым зрением увидел, как китаец в распашонке повалился на пол. Его эмоции поблекли, а затем вовсе исчезли вместе с жизнью.

Ну, хоть этот ушел без мучений. В моем деле такое происходит довольно редко. Обычно в лучшем случае гибель людей сопровождалась злостью или сильным гневом, а в худшем – страшными муками и животным страхом. Так было с жертвами профессора Нартова. Воспоминания кольнули душу и едва не сбили концентрацию, но мне все же удалось зацепить убийцу. Ментальная нить натянулась. По своей привычке я привстал на одно колено, как будто удерживая в руках спиннинг, – это уже стало рефлексом.

Есть контакт. Нить натянулась сильнее, связывая меня не только с образом, который убийство запечатлело на ткани мироздания, но и с реальной аурой убийцы. Если он далеко, через секунду нить лопнет. Но она не лопнула. Мало того, напряжение было не таким уж сильным.

Так он что, в доме?! Интересно девки пляшут. А ведь здесь не только все начальство Западной Сибири, но и дочь императора! Ох, что-то мне нехорошо.

Сорвавшись с места, я выскочил через дверь и шалыми глазами осмотрел присутствующих.

Все, кто был облечен властью, уставились на меня как институтка на мышь. Троица в штатском и китаец в ушастом чепчике мгновенно напряглись. Троица тут же заняла позицию вокруг княжны. Похоже, с этих толку не будет, а вот китаец что-то чирикнул, глядя мне в глаза, и резко кивнул. Похоже, он просчитал ситуацию мгновенно. Матерый волчара. Или все-таки кошка? Grimаса исказила лицо китайца, и в нем проступило что-то кошачье. Неужели раکشас? Впрочем, сейчас это не так уж важно.

– В чем дело, господин видок? – первым не выдержал почему-то именно полицмейстер.

Я уже открыл рот, чтобы начать долгие и нудные объяснения, иначе с этой публикой не получится, и тут почувствовал, как ментальная нить натянулась сильнее. Убийца отдалялся, и времени на объяснения просто не оставалось, что, если честно, меня порадовало.

– Убийца в доме, – бросил я уже на бегу и выскочил из комнаты.

За спиной послышались мягкие шаги китайца и гулкие удары в пол двух пар ботинок. Похоже, княжна решила отрядить мне подмогу. Оперативно среагировала дамочка. Уверен, без ее приказов эти парни не оставили бы объект охраны ни за какие коврижки.

Выбежав в коридор, я на секунду притормозил.

Так, здание у нас вроде идет буквой «П», и мы находимся в «шляпке», а нить тянет вперед и вниз, значит, убийца уже во двореке и очень скоро окажется на улице. Эта мысль добавила мне прыти, и я побежал к лестнице. Сопровождение дисциплинированно топало позади,

контролируя меня, как охотники следуют за гончей. Когда мы выскочили во дворик, я сразу понял, что мы гоняемся за тем, кто убежать-то и не собирался.

Во дворе кроме транспорта, на котором мы прибыли сюда, стояло несколько телег и один грузовой паромобиль. Вот к ним и двигалась группа китайцев из трех ярко и непривычно одетых женщин и двух молодых воинов. Мужчины явно помогали дамам донести их пожитки – посольство собиралось покидать не очень-то гостеприимный город.

Убийца находится в этой группе, вопрос только – кто из пятерых. То, что связывало меня с объектом, я по наитию называл нитью, потому что ощущал связь как тактильную галлюцинацию – будто на ладонь была намотана бечевка. Куда она уводит, я ощущал, но вот самой нити не видел, как и того, с кем она меня связала. Точнее, однажды мне удалось увидеть эту нить, когда профессор Нартов проявил ее перед тем, как разорвать.

Я замедлил шаг, пытаюсь определить, кто же из пятерых является убийцей. Дам я отмечать не стал, потому что давно понял – женщины порой бывают намного опаснее мужчин. Китаец, в котором я подозревал ракшаса, поравнялся со мной и пошел рядом. Два телохранителя княжны разошлись с намерением взять подозрительную группу в клещи.

Чтобы определить убийцу, нам придется...

Не пришлось – парень понял, что его трюк с артефактом, стирающим часть следов на ткани мироздания, не прошел, и начал действовать. Его напарник по переносу багажа умер сразу, получив метательный нож в шею. Убрав самого опасного, по крайней мере по позиционированию, соперника, убийца перешел к устранению второго по опасности. Интересно, чем он руководствовался, выбирая именно мою персону? У меня ведь в руках даже оружия нет.

Об этом всем я подумать успел, а вот вытащить спрятанный под кителем двустольный коротыш не смог – рука лишь коснулась пуговицы, которую еще нужно было расстегнуть. Прямо перед моим лицом что-то звякнуло, и метательный нож отлетел от плоскости меча, который очень вовремя подставил предполагаемый ракшас. Я с какой-то отстраненной апатией подумал, что тренировки с Евсеем нужно ужесточить до предела. До кровавых, мать их, мозолей и пота!

Через секунду китаец с мечом закрыл меня своим телом, точнее, встал между мной и убийцей. Только в фильмах схватка двух профессионалов длится больше нескольких секунд, а здесь все произошло практически мгновенно. Телохранители княжны хоть и контролировали происходящее наведенными на китайцев револьверами, но не вмешивались. Да и не было такой необходимости. Два бойца сошлись даже без звона клинков. То, что убийца вооружен еще чем-то, кроме метательных ножей, я увидел, когда его обезглавленное тело сначала упало на колени, а затем завалилось на бок. В руках труп все еще сжимал два коротких и узких меча.

Китайки визжали. Телохранители княжны равнодушно спрятали револьверы. Кого-то из водителей генерал-губернаторского кортежа вырвало. Я воспринимал мир какими-то рублеными образами, но через секунду все пришло в норму. Это либо отходняк от ритуала, либо просто усталость. Хотелось выпить чего-то жгуче-продирающего, а затем поспать. Но – увы, это лишь мечты.

Во двор вывалилась вся высокородная шушера – и ну галдеть. Я тихонько отошел в сторону, но меня быстро нашли и взяли в оборот.

– Господин видок, что здесь произошло? Отвечать! – вспылil полицмейстер Омска.

Странно, в прошлый раз он производил впечатление непростого дядьки – умеющего и дурачком прикинуться, и жестко надавить. Неужели княжна и этого разбередила? Учитывая то, что князь от нее смылся аж в Топинск, вполне может быть.

Я осторожно покосился на великую княжну и сцепился с ней взглядами. Такое впечатление, что мне за шиворот сыпанули ковшик колотого льда. Даже в затылке заломило.

Ох и непростая дамочка.

Словно прочитав мои мысли, княжна улыбнулась одними уголками рта. Это была даже не улыбка, а так – ее призрак. Пока мы с княжной переглядывались, в дело вступила тяжелая артиллерия:

– Геннадий Павлович, не нужно так горячиться, – примирительно улыбнулся полицмейстеру князь, и улыбка начальника подействовала на подчиненного как взгляд Каа на не самого смелого бандерлога. – Думаю, в откровениях нашего видока необходимости нет. Все уже благополучно разрешилось. Ведь так, ваше высочество?

– Да, инцидент исчерпан, – милостиво кивнула великая княжна.

– Ну вот, – позволил себе улыбку князь. – Вы, конечно, снимите, как положено, показания и предоставьте господину видоку место в служебной гостинице. Вам ясно?

– Так точно, ваше сиятельство! – попытавшись втянуть изрядный животик, отпраповал полицмейстер.

Он уже понял, что накосячил. Не сильно, но существенно. Впрочем, мне было плевать, и должность чиновника по особым поручениям генерал-губернатора давала такую возможность.

Жилы из меня он все-таки попытался вытянуть, но муторный опрос все же не перешел в допрос, несмотря на пыльное желание полицмейстера. Анастас Денисович, как мог, смягчал процедуру, так что со старшим следователем мы расстались, как обычно, тепло и со взаимным уважением.

Полицмейстер, конечно, приказал мне отправиться в ведомственную гостиницу и сидеть там безвылазно. Этот приказ я решил проигнорировать, едва он прозвучал. Так что тихонько шепнул Анастасу Денисовичу, что меня в случае чего пусть ищут в известном ему отеле, и наконец-то покинул полицейскую управу.

Вечер постепенно вытеснял из города дневной шум и гам, укутывая Омск в уютные сумерки. В воздухе разливались великолепные запахи. Здесь весенние деньки начались немного позже, чем в согретом Стылой Топью Топинске, но даже в этой робкой нерешительности весна была прекрасна.

Напряжение наконец-то начало покидать меня, но желание хорошенько выпить и закушать никуда не делось. Тем более что я знал чудесное местечко, где все мои желания можно удовлетворить, так сказать, одним махом. Называлось это место отель «Европа». Он был не так шикарен, как «Россия» или «Венеция», обустроенная приехавшим в Омск итальянцем, но номера и обслуживание были на должном уровне. К тому же из-за относительно скромных размеров к постояльцам там относились с особым теплом.

Поймав пролетку, я быстро добрался до гостиницы и прямо с порога ощутил то самое особое отношение.

– Игнат Дормидонтович! – как родному, обрадовался метрдотель. – Мы очень рады вас видеть.

– Взаимно, Степан Николаевич, – улыбнулся я молодящемуся мужику с явно крашеными шевелюрой и бородкой-клинышком.

Несмотря на некоторые особенности этого человека, я старался общаться с ним вежливо, насколько позволяла разница в социальном статусе. Это ему очень льстило, а я мог рассчитывать на дополнительную конфиденциальность и лояльность.

– Вы к нам надолго? – с показной надеждой, которая, впрочем, была не такой уж наигранный, спросил метрдотель.

– Не знаю, – пожал я плечами, – может, на пару дней, а может, завтра уеду. Мой номер свободен?

– Да, – улыбнулся метрдотель, даже не взглянув на стойку с ключами или в свой гробсбук, – но вот ваш любимый столик сейчас занят. Зато свободен тот, что у окна, который вы предпочитаете под настроение.

– Хорошо, накройте ужин на одну персону, а я пока освежусь.

Юркий портье, который являлся племянником метрдотеля, провел меня в номер и щербато улыбнулся, получив на чай двугривенный.

Номер ничем не удивил – все на привычных местах. Широкая кровать, два платяных шкафа. Справа дверь в ванную комнату, а слева – в комнату для слуги с отдельным выходом, где обычно ночевал Евсей. Меблировку дополняли: круглый стол, полдюжины стульев, софа и стол-бюро с небольшим бюстиком нынешнего императора – неброско и уютно.

Быстро ополоснувшись над большой раковиной, я подумал о находящейся внизу мыльне, но решил сначала все же поужинать.

Мои вкусы в гостиничной ресторации знали хорошо, как и платежеспособность, так что стол ломился от множества мясных деликатесов, а для затравки будет небольшая порция борща. Сейчас борщ находился в супнице, которую сторожил шеф-повар заведения. С этим товарищем у меня была особая история. Два месяца назад его обвинили в убийстве любовницы – горничной этого же отеля. Я как раз находился здесь и, наплевав на возможные проблемы, провел ритуал без санкции полицмейстера. Реальность мало отличалась от бразильского сериала: убийцей оказался ревнивый муж.

Я, конечно, получил от полицмейстера по шапке, но повар почему-то уверился в том, что, проведи ритуал местный престарелый видок, он бы обязательно отправился на каторгу вместо слетевшего с катушек мужа. В общем, отравления в этом месте мне можно не бояться, к тому же Тихомир зарежет любого, кто хоть косо посмотрит в сторону готовящихся для меня блюд.

– Здравствуй, Тихомир.

– Здравия желаю, ваше благородие, – вспомнив молодость, по-армейски вытянулся повар.

Он бы еще поварешкой отсалютовал.

Усевшись, я улыбнулся торжественности повара, а затем, получив порцию борща, взялся за ужин. Тихомир, дабы не смущать едока, бесшумно удался. В ресторации было не так уж много народу, но и тот десяток, который наблюдал за экзерсисами повара, теперь заинтересованно разглядывал меня.

Да и плевать.

От второй рюмки ледяной водки напряжение отпустило, а вкуснейшие закуски подняли настроение еще выше. Мелькнула даже мысль послать метрдотеля за одной очень игривой дамочкой, которая освоила древнейшую профессию не столько для заработка, сколько для удовольствия. В выборе клиентов она была переборчива, но у молодого, относительно симпатичного и к тому же небедного полицейского видока имелся, так сказать, перманентный доступ к телу.

Желание так до конца и не сформировалось, о чем я даже пожалел, когда после купальни улегся в постель, – слишком уж смешливой и игривой была сопровождавшая меня горничная. Можно, конечно, и ей уделить внимание, но здесь с этим делом строго, и я только приветствовал подобные правила для персонала. И все же мысль о том, что не помешало бы сбросить остатки напряжения самым действенным способом, витала над моей головой.

Да уж, лучше бы я пригласил Жаннет.

Глава 4

Меня разбудили ближе к полуночи, что подтвердили часы, подсвеченные ночником с магической лампой внутри. Решительный стук в дверь говорил о том, что дело серьезное, раз уж Степан Николаевич не смог организовать мягкую побудку, да и вообще позволил себе беспокоить дорогого гостя в неурочный час.

В проем приоткрывшейся двери сунулась голова метрдотеля:

– Игнат Дормидонтович, простите...

– Что случилось? – прервал я извинения метрдотеля.

Он открыл дверь полностью и вошел. Сухо щелкнул выключатель, и комнату залил свет лампочки накаливания. Сейчас в этом мире шла война магического освещения и электричества. Пока с переменным успехом. Чаще всего оба направления уживались рядом. Магические светляки выигрывали за счет мобильности, а электричество брало экономичностью.

– Вас вызывает к себе ее высочество, – вместо метрдотеля ответил вошедший следом человек.

Я сразу узнал одного из телохранителей великой княжны.

– Вызывает? – присев на кровати, раздраженно спросил я.

– Потрудитесь поспешить. Ее высочество не любит ждать.

– Неужели? – хмыкнул я и демонстративно почесался.

Сам не знаю, зачем стал бесить без сомнения опасного бойца. Но я уже давно уяснил, что в сословном обществе есть свои правила, и сейчас этот чудака их нарушал, причем довольно грубо.

Я находился на действительной службе и имел свое начальство, причем почти под боком. Княжна могла попросить меня навестить ее, и только, а приказывать – лишь после разрешения генерал-губернатора. Но суть даже не в этом – великой княжне многое позволено и прощается, а вот этот красавец, пожалуй, слишком привык находиться у ноги высокородной особы, так что перенял от хозяйки взгляд свысока. Причем совершенно безосновательно. К тому же, как и любой верный пес, кусать без приказа он не станет.

– Я постараюсь выполнить просьбу ее высочества и соберусь с предельной поспешностью.

– Это была не просьба, новгородец.

Ах вот оно что! Судя по интонационному выделению последнего слова, у него какие-то претензии к уроженцам Господина Великого Новгорода.

– Уж не приказ ли? – прищурившись, спросил я.

– Да. – Это слово телохранитель княжны прорычал и, видимо решив меня припугнуть, пустил по лицу волну частичной трансформации.

Даже так? Ну-ну.

Опыт общения с Евсеем многое расставил по своим местам в плане натуры волколаков. В моменты трансформации, даже частичной, их инстинкты приближаются к звериным, а самоконтроль резко снижается. И тут нужно вести себе как с кинувшейся на тебя собакой. Есть несколько вариантов – хвалить или одергивать. Похвала от чужого сбивает пса с толку – ведь с подобными интонациями к нему обращается только хозяин. Но здесь этот прием не пройдет, и уж точно нельзя показывать ему свой страх.

– Ты тут только все слюной не закапай, – равнодушно сказал я и, зевнув, с ленцой начал подниматься с кровати. При этом левая рука скользнула под подушку, где лежал мой двустольник.

Хотелось добавить про запах псины, но я сдержался – это уже будет совершенно ненужная провокация, особенно при таких силовых раскладах.

– Не боишься? – вернув себе человеческое лицо, хмыкнул оборотень, сделав шаг назад.

– Тебя или вашего брата вообще? – хмыкнул я в ответ и как бы невзначай засветил зажатый в ладони пистолет.

Оборотень презрительно оскалился, а я вернул ему настолько лучезарную улыбку, чтобы он понял – с этой игрушкой не все так просто.

– Вообще, – совершенно спокойно уточнил ночной гость.

Теперь стало понятно, что меня прощупывали «на слабо». Уж не по приказу ли княжны? Моя старая душа это поняла и отметила как интересный факт, а вот молодое тело отреагировало на подначку вспыхнувшим лицом и волной злости, которую пришлось срочно гасить.

– Если честно, предпочел бы встречать вашего брата пореже. Надоели, – ровным тоном, как на светской беседе, изрек я.

После моего недвусмысленного знака метрдотель запустил в номер горничную, которая начала сноровисто подносить мне одежду и временами помогать одеваться. Купальню я вчера покинул в гостиничном халате, а моя форма прошла через заботливые руки прислуги, так что сейчас радовала взгляд свежестью и чистотой. Волколак меня совершенно не стеснял. Поняв это, он криво улыбнулся и вышел в коридор.

Степан Николаевич демонстративно вытер носовым платком пот со лба:

– Игнат Дормидонтович, вы простите ради бога...

– Пустое, – отмахнулся я от извинений, – у вас все равно не получилось бы его остановить.

– А он... – робко поинтересовался метрдотель, сделав жест, которым взрослые показывают страшного серого волка, сопровождая сказки для малых детей.

– Да, – улыбнулся я и, отстранив горничную, поблагодарил ее: – Спасибо, милая, дальше я сам.

После моего подтверждения полумистического статуса охранника княжны и метрдотель, и горничная синхронно перекрестились, а затем быстро удалились из номера.

Вот такой парадокс. Они прожили в этом мире с рождения и смотрят на оборотней как на сказочных персонажей. А я живу здесь только полгода и уже успел устать от этой публики. Сначала был пытавшийся убить меня наемник купца, которого мы на пару с Евсеем упокоили, хоть и с большим трудом. Затем ракшас на энергетическом заводе. Ну, этого я видел не вживую, а благодаря трансу. После вообще странный насекомоподобный оборотень, на котором профессор Нартов ставил свои опыты. И это не считая свидания с упырицами и стригами. На последнем таком randevу меня едва не разорвала очень миленькая девушка. Миленькой она была, пока не обросла зубами и щупальцами. До сих пор дрожь пробирает, когда вспоминаю это свидание.

– Я готов, – лучезарно улыбаясь, заявил я телохранителю княжны, который дожидался меня у дверей номера.

Мое веселье было совершенно фальшивым, и в этот момент я корил себя за то, что не прошелся вечером по оружейным магазинам. Вот теперь придется ехать на ночь глядя, имея при себе всего лишь не очень-то серьезную пукалку, хоть и не раз спасавшую меня от гибели. Ну и еще есть кое-какой сюрприз от моего оружейника.

У входа в гостиницу нас ждал паромобиль. Этих аппаратов в городе не так уж много, поэтому я сразу узнал технику из гаража генерал-губернатора. Причем водительское место было пустым. А это многое говорило об отношении князя к госте города. Обычно водители-механики от своих железных скакунов не отходили ни на шаг.

Телохранитель уселся за руль, а я демонстративно погрузился в пассажирское отделение.

Ехали мы недолго – в принципе можно было и пешком пройтись, но это так, к слову. Понятно, что княжна не будет ждать, пока я подышу свежим воздухом ночного Омска.

Вполне ожидаемо паромобиль остановился у дома, который я покинул всего несколько часов назад.

Железные нервы у княжны. Любая другая на ее месте наверняка переселилась бы в гостиницу – подальше от места убийства. А этой хоть бы хны. Мне даже стало интересно, ради какой такой надобности меня вызвали прямо посреди ночи.

Апартаменты, занимаемые княжной, находились на втором этаже особняка, и для того чтобы попасть туда, нам пришлось пройти через два поста охраны. Сначала это были китайцы. Они лишь смерили меня пристальными взглядами, из которых относительно доброжелательным был лишь взгляд уже знакомого мне раکشаса. Второй пост состоял из телохранителей княжны. Вот здесь меня обыскали и изъяли мой двустольный коротыш.

Только после всех этих манипуляций была открыта заветная дверка, и я вошел в покои княжны. Если честно, я ожидал всего, чего угодно, – от стола с чрезвычайной «тройкой», решившей допросить меня насчет незаконного вселения в чужое тело, до огромной кровати с лежащей там в соблазнительной позе княжной. Реальность, как всегда, преподнесла сюрприз. Да, это был некий аналог будуара, но какого-то слишком уж семейного. Княжна сидела за туалетным столиком с большим зеркалом и умачала себя кремами.

Вид она имела хоть и домашний, но вполне утонченный. Халат с пышным воротником, может, и выглядел бы пристойно, оставайся его хозяйка стоять, но в сидячем положении немного оголялось ее бедро, что делало обстановку в комнате до предела неформальной. Еще больше формализм ситуации разрушал прилегший на софу мужчина. Одет он был в обтягивающие брюки с подтяжками, а также свободную рубашку с широченными рукавами и кружевными манжетами а-ля мушкетеры. Мало того, было сразу видно, что у туалетного столика этот субчик провел не меньше, чем его супруга.

Нетрудно догадаться, что в таком виде рядом с княжной мог находиться только ее супруг граф Скоцци. Он, как и большинство итальянцев, был горбонос, смугл, но некие детали немного выделяли его образ из национального типажа.

Не понял, он что, подвел глаза и завил волосы? Да и вообще граф был далек от брутального образа Челентано. С другой стороны, метросексуалы тоже пользуются косметикой, но тут, пожалуй, не тот случай, а совсем даже наоборот.

Если насчет метрдотеля «Европы» у меня еще имелись сомнения, то с графом было кристально ясно, что он имеет очень нестандартную ориентацию в интимных вопросах. Гомофобией я точно не страдаю, хотя имею один неприятный опыт. После окончания института мы с друзьями гудели в одном баре, и поверьте, это и близко была не «Голубая устрица». Там и появилась компания ярко разодетых и накрашенных... как бы это помягче выразиться... нетрадиционалов. Один из них по какой-то ведомой только ему причине решил подкатить именно ко мне.

Честно, я потом долго смотрел в зеркало, пытаюсь найти в своем отражении компрометирующие черты. Не нашел.

Подкат бы недолгим, но довольно агрессивным.

Из этого случая я вынес два урока. Первый – бить таких ребят нужно аккуратно, потому что хиловаты. Второй и намного более полезный вывод – в общении с девушками нужно придерживать свой энтузиазм и внимательно следить за ответной реакцией. Побывать в шкуре того, к кому нагло и развязно пристают, было неприятно, но познавательно. После этого случая я пару раз общался с геями, которые оказались вполне адекватными и нормальными людьми. Но – увы, как в той истории с ложечками: осадочек остался.

Боюсь, что этот осадок и отразился на моем лице, когда я увидел графа.

– Не понравился, – с легким итальянским акцентом сказал граф и манерно вздохнул. – Инкрещиозо.

– Душа моя, – каким-то совсем домашним и теплым голосом обратилась к мужу эта Снежная королева, – говорите по-русски. Порой ваши слова звучат как оскорбления. Вам было мало последней дуэли?

По интонации итальянца я и так понял, что слово не ругательное, но уточнение все же успокоило меня окончательно.

– Я выразил сожаление. – Отложив небольшой томик с чем-то наверняка романтически-слащавым, граф поднялся с кушетки и подошел к мне. – Позвольте представиться, граф Скоцци. Называйте меня Антонио. Ну или на людях Антонио Пьерович.

Граф смешно сморщил нос и протянул мне руку. Без жеманности – просто и открыто. Рукопожатие у Антонио оказалось на удивление крепким. Улыбнувшись мне, он подошел к княжне, положил ладони на ее плечи и поцеловал в макушку:

– Бона ноте, миа кара.

– Доброй ночи, дорогой.

Ну прямо семейная идиллия. Чтобы посмотреть на своего мужа, княжна чуть повернулась, при этом оголив ногу еще больше. Но мой взгляд прикипел отнюдь не к соблазнительному бедру: он впился в украшение на шее девушки.

Так вот что она прятала под высоким воротником! Это, конечно, не ошейник, который вешают на заводских арестантов, но руны в ажурном ожерелье я узнал мгновенно.

Стрига!

Тварь намного опаснее оборотня, потому что не ограничена навязанной предками боевой формой, и вообще непредсказуемая и склонная к боевой истерике. Говорят, что у них две души, но энергетики отрицают это. Они утверждают, что за демоническую ипостась отвечает темная часть раздвоенного сознания. Именно эта большая часть личности формирует нестандартную и до оторопи жуткую форму псевдоплоти.

Княжна тут же почуяла мои эмоции и опасно прищурилась, а ее муж, судя по всему, откликнулся уже на реакцию супруги. Он сделал два шага вперед, становясь между нами. При чем его поза выдавала опытного бойца.

Да уж, теперь понятно, чем закончилась дуэль с бедолагой, который на свою беду не знал итальянского языка и обладал слишком уж болезненным самолюбием.

– Все в порядке, дорогой. – Теперь уже княжна положила руку на плечо напрягшегося мужа. – Он не желает мне зла.

Неприятно, когда о тебе говорят в третьем лице, но это не самое обидное, что мне приходилось выслушивать и в той, и в этой жизни. Княжна трогательно положила подбородок на плечо уже вернувшего себе вальяжность Антонио:

– Какой интересный мальчик. Он не только понял, кто я, но и почему-то уверен, что сможет мне навредить. Ведь так, Игнат Дормидонтович?

– У меня нет привычки нападать на женщин.

– А ради защиты? – очаровательно улыбнулась княжна. – Только интересно, чем вы могли бы мне навредить? Вас же обыскали на входе.

– У каждого свои секреты.

– Какой интересный мальчик, – повторила княжна и пристально посмотрела мне в глаза, а затем перевела взгляд на Антонио, – и ведь не обижается на «мальчика».

– С чего бы? – решил я немного похамить. – В нашем разговоре это скорее должно задевать вас.

– Интересный и колючий, – сказал граф и окинул меня оценивающим взглядом.

Я всем своим видом показал, что от подобного осмотра отнюдь не в восторге.

– Инкрешиозо, – теперь уже жеманно вдохнул граф и еще раз поцеловал жену в висок. – Не буду вам мешать.

Интересно, в чем? Что-то меня на похабщину потянуло. И всему виной теперь уже скрывшееся за полой халата бедро княжны.

Учтиво раскланявшись со мной, граф оставил свою жену наедине с посторонним мужчиной. Впрочем, с его наклонностями ревновать он скорее стал бы меня к ней.

Когда дверь за Антонио закрылась, княжна вернулась в кресло перед зеркалом. А я остался посреди комнаты. Да и вообще на этой почти пижамной вечеринке в своем парадном мундире я выглядел, мягко говоря, нелепо.

– О вас рассказывают много любопытного, – проведя ватной подушечкой по лицу, сказала княжна.

– Вот уж не было печали.

– Вы не тщеславны? – удивилась девушка.

– Я не настолько глуп.

Игра в пространные вопросы и не менее пространные ответы быстро надоела княжне, и она перешла к конкретике:

– Это ведь вы арестовали профессора Нартова?

– Да, хотя по официальной версии он умер.

– Профессор многое для меня сделал, – как бы сама себе сказала княжна, явно делая мне некий намек.

Но напрягаться я не стал и спокойно ответил:

– И для меня тоже.

Мои слова удивили ее.

– Тогда почему вы позволили посадить его на цепь? – зло прищурившись, спросила княжна и для выразительности постучала ноготком по собственному шейному украшению. – Это, знаете ли, тяжкая ноша.

– У меня был выбор между смертью друга и его арестом.

– А третий вариант даже не рассматривался?

– Если вы говорите о свободе, то к ней в довесок шли будущие смерти большого количества девушек, которых профессор без сомнения пустил бы на опыты. Да и на меня у него были планы, которые мне не очень-то понравились.

– Какие же?

Княжна встала и подошла ближе. Я ощутил аромат ее духов, и голова немного закружилась.

Это что, какие-то алхимические любовные штучки?

– Он хотел оставить меня в живых, но без памяти. К тому же при этом был шанс стать умалишенным, – удалось мне выдать из себя. – А я в такие игры не играю.

– А в какие игры ты играешь, мальчик? – грудным, полным неги голосом проговорила княжна, и я почувствовал, как у меня на груди потеплел подаренный обсуждаемым профессором амулет.

– В эти тоже стараюсь не играть. Молод еще, так что предпочитаю обходиться без дополнительных возбудителей.

Амулет тут же перестал нагреваться.

Теперь уже я разозлился и с вызовом посмотрел в глаза улыбающейся женщине.

– Какой интересный мальчик, – закусив губу, сказала она.

– Вы это уже говорили, ваше высочество.

Княжна сделала еще один шаг и приблизилась ко мне вплотную. Наши лица разделяло всего несколько сантиметров. Она словно передавала мне инициативу, намекая на гарантированную взаимность. Все так, но подобные дамы не бывают настолько великодушными. Поэтому я продолжал смотреть ей в глаза, оставаясь без движения.

Помню, как в похожей ситуации поцелуй ведьмы Эммы больше напоминал укус, а вот Снежная королева поцеловала меня очень мягко и осторожно. Дальше тоже все пошло неспешно и плавно, как в медленном танце, но что-то подсказывало мне – сюрпризы не за горами.

Мы переместились на кровать и полностью избавились от одежды. Но когда через некоторое время наконец-то должны были достигнуть кульминации, княжна потянулась рукой к ошейнику.

Кикимору мне в тещи! У нее там что, застежка вместо замка?

От того, что это дикое предположение оказалось верным, меня прошибло холодным потом. В такой ситуации любое возбуждение должно было исчезнуть без следа, но страх неожиданно разжег его еще сильнее. Тихо звякнув, ошейник упал на кровать, и княжна начала меняться. Она была прекрасным монстром. Вслед за страхом возбуждение подстегнула еще и боль. Десяток коготков вспорол кожу на моей спине, я же максимально сильно, едва ли не до хруста костей, сжал изменившееся, но все еще соблазнительное тело. И тут словно лопнула до предела натянутая струна.

Наваждение схлынуло, и через мгновение я остался на кровати в полном одиночестве.

Похоже, обнимашек не будет.

Княжна, вернув своему телу человеческий облик, пошла к туалетному столику, на ходу застегивая ошейник.

И красиво пошла, скажу я вам.

Чтобы лучше видеть, я повернулся на бок и непроизвольно застонал.

Вот зараза, глубоко пропахала!

Княжна обернулась на звук и мило улыбнулась. Усевшись перед зеркалом, она позвонила в маленький колокольчик. Дверь тут же открылась, и в комнату вошла служанка в традиционном наряде горничных – закрытом платье, белом переднике и в чепчике на голове. В руках она несла какую-то баночку. Я попытался прикрыться простыней, но под мягким, при этом настойчивым, давлением рук служанки просто лег на живот. Порезы на спине защипало, но терпимо, так что я не стал реагировать.

Когда понял, что процедура закончена, и повернулся, я увидел, что служанка стоит у кровати, удерживая в одной руке мои брюки, а в другой рубаху.

Вот такой ненавязчивый намек на то, что мне пора удалиться.

Одевался я быстро, почему-то раздраженно отпихнув заботливые руки служанки. Довольно неоднозначная ситуация. Княжна вновь надела маску Снежной королевы.

И как только у нее это получается, особенно учитывая, что из одежды на ней сейчас только ошейник?

В подобной ситуации вопросы о нашей близости были бы сущей глупостью, но уходить молча мне не хотелось:

– Это профессор Нартов помог тебе примириться с темной сущностью?

– Как ты понял? – удивленно спросила княжна.

Маска Снежной королевы дала трещину. Она щелкнула пальцами. Служанка поднесла халат и помогла госпоже скрыть наготу.

– Одна его подопечная пыталась меня убить. Она менялась, оставаясь в здравом рассудке.

– Но ты здесь, и живой, несмотря на вашу встречу.

– Как сама видишь, – улыбнулся я, потому что ситуация выровнялась, не позволяя ей смотреть на меня свысока.

Мальчишество, конечно, но все равно приятно.

– Как?

– У каждого свои секреты. – Сделав небольшой шаг назад, я поклонился. – Ваше высочество.

– Господин видок, – кивнула мне великая княжна.

Обратно я прошел тем же маршрутом. Телохранитель-оборотень вернул мне пистолет и явно намеревался доставить обратно в гостиницу, но я лишь отмахнулся:

– Сам доберусь. Здесь недалеко.

– Как пожелаете, – похабно улыбнулся телохранитель.

– Зубы спрячь, не по чину оскал, – жестко приказал я.

Как ни странно, мой собеседник не стал лезть в бутылку и даже потупил взгляд.

Это что, сказались заработанные моим дерзким поведением очки уважения или сработал новообретенный статус фаворита его хозяйки? Боюсь, что как раз второе. Да и плевать!

Весенняя ночь в Омске особым теплом не радовала, но эту прохладу все же можно было назвать свежестью, а не холодом. В общем, было хорошо. В голову полезли довольно странные мысли.

Вспомнились слова Александра Сергеевича из моей родной реальности:

Как много нам открытий чудных

Готовит просвещения дух...

Ага, особенно в плане сексуального просвещения. Бывало у меня по-всякому. Я знал, что такое смесь страсти и нежности, – как с дожидавшейся меня в Топинске Глашей. Испытывал и чистую, словно медицинский спирт, не замутненную примесями страсть Жаннет. С ведьмой Эммой я познал, что такое смесь страсти и злости, а Дарья показала всю степень накала смешавшихся со страстью страха и боли.

Хотя «это самое» со стригой – конечно, уже перебор. Так и до садомазо недалеко. Чур меня, чур!

Ночь была прекрасна, а спать после всего случившегося уже не хотелось. Так что бродил я по ночному Омску больше часа, пока за мной не увязались все-таки два каких-то субчика. Конечно, моя форма их сдерживала, но надолго ли? Так что от греха подальше я повернул в сторону гостиницы.

Вернувшись в номер, немного почитал, затем сон все же сморил меня, и проспал я почти до десяти утра. Может, продрых бы и дольше, но опять был разбужен громким стуком.

– Да что же за день такой? – вздохнул я, присаживаясь на кровати. – Кто?

– Это я, командир, – послышался голос Евсей.

– Заходи.

Казак вошел в номер, втащив за собой мой оружейный баул и командировочный чемодан с одеждой.

– Что будем делать? – с непонятным энтузиазмом спросил Евсей.

Ну и что мне теперь ему сказать? Ничего, кроме грубой правды, на ум не приходило:

– Сейчас пойдешь на вокзал и купишь нам на вечер билеты домой.

Лицо оборотня вытянулось:

– Это как?

– А вот так, – развел я руками и принялся одеваться. – Все, что от меня требовалось, я уже сделал. До вечера погуляем по городу и отправимся восвояси.

Если честно, была у меня мысль остаться в Омске на пару дней – пообщаться с Жаннет, обойти магазины, но эта идея как-то быстро выцвела. К тому же дома остались незавершенные дела. С контактами Кочевряжа в Омске мне все равно не дадут поработать, да и не до того сейчас и князю, и полицмейстеру. Так что нужно побыстрее узнать, что там вытряс Дмитрий Иванович из продажного полицейского. К тому же обязанности видока не позволяли мне прохлаждаться без дела вдали от охотничьих угодий.

Впрочем, до вечера времени было много, и мы успели не только обойти с десятков магазинов, но еще и неплохо посидеть в ресторане. Так что на вечерний поезд садились с целой грудой свертков и слегка навеселе.

Глава 5

Путешествие на поезде было намного медленнее и скучнее, чем перелет на дирижабле. У меня даже появилась безумная идея как-то обзавестись собственным цеппелином, но при этом я понимал всю сказочность подобного замысла. И дело даже не в деньгах, хотя и в них тоже. Мало ли сколько мне удастся поднять здесь на спланированных из родного мира изобретениях, но вряд ли сильные мира сего потерпят настолько статусную вещь в руках какого-то провинциального видока. На данный момент дирижабли в личной собственности есть лишь у четверых великих князей, ну и, естественно, у императора.

Даже «Стремительный» формально не принадлежал княжне, а был приписан к министерству иностранных дел. Кстати, в штате этого учреждения княжна не числилась, а всего лишь сопровождала графа Скопца – чрезвычайного полномочного посланника департамента внешних сношений при министерстве иностранных дел империи. Хотя всем и каждому было понятно, кто в этой парочке главный. Даже неформальное присутствие члена императорской семьи в чрезвычайной делегации автоматически повышало ее статус и эффективность.

Так что придется вам, Игнат Дормидонтович, довольствоваться паромобилем. Ну, еще можно придумать что-то пооригинальнее. Есть одна задумка для прогулок по реке – кататься на лодочке, махая веслами, не хотелось, а Стылая была слишком мелкой и илистой для обычных катеров. Так что есть смысл попробовать аэросани-амфибию, на которой получится и зимой по снегу рассекать, и летом по затопленной части болот путешествовать. К тому же можно не сомневаться, что и эта идея принесет мне денег благодаря стараниям Давида Ароновича Бронштейна – отпрыска уважаемой еврейской семьи и по совместительству юридической династии. Нет, слава богу, к Троцкому он никакого отношения не имел, но парень все равно очень шустрый. Он с месяц дулся на меня за то, что я отдал другому стряпчему работу по привилегиям на вулканический каучук. Затем осаждал меня требованиями изобрести что-то не менее масштабное, а после перешел в партизанский режим. Дава регулярно посещал нашу широкопрофильную механическую мастерскую и трепал нервы моему партнеру Боре Хвату. Так что любое усовершенствование сразу проходило оценку на предмет поймать с него чуток золотишка.

За размышлениями об аэросанях и начертанием в блокноте предварительных эскизов дорога прошла почти незаметно. Ближе к ночи мне удалось даже поспать, хотя делать это в сидячем положении я не люблю.

На вокзал Топинска мы прибыли в десять часов утра и сразу погрузились на извозчика. Хотелось домой, чтобы помыться в нормальном душе и переодеться: за два дня форма успела мне изрядно надоесть.

Странно – обычно Чиж выскакивает из дома, едва услышит, что кто-то въезжает во двор. Особенно когда я в отъезде. А сейчас бывшая пожарная каланча казалась вообще незаселенной.

Пока Евсей загружался багажом из коляски, ворча о том, что все обленились и никто не спешит ему на помощь, я взбежал на крыльцо и вошел в прихожую. Сделать получилось только два шага, как тут же закружилась голова.

Не понял!

Быстро погасив в себе желание двинуться дальше, я выскочил наружу. Несколько вдохов свежего воздуха исправили ситуацию.

Неужели Чиж растопил печь и проспал утечку угарного газа? Но этого просто не может быть, потому что за печью и за домом в целом неустанно следит домовая. К тому же от угарного газа меня не могло бы размотать так резко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.